

Владимир ВЕЛИКИЙ

**НОЧНОЕ
ПОУКАРЬ**

18+

Владимир Великий
Ночной монарх

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Великий В.

Ночной монарх / В. Великий — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Федор Чубчиков после смерти отца в один миг упал на дно общества, однако от своей мечты стать богатым он не отказался. Миллионером он становится не в России, а в Германии. На пути к своей желанной цели у него было почти все: любовь и секс, радости и разочарования, друзья и враги... Как это происходило, читатель узнает после прочтения поистине захватывающего романа... Сей труд посвящаю моим дорогим родным и близким, которых я всегда любил и гордился ими, что они были и есть на этой земле. Именно благодаря им, во мне никогда не угасала душа человеческая, прирастал мой талант и желание творчески работать...

Содержание

Глава первая.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Великий

Ночной монарх

Глава первая.

Неудачник поневоле

Самолет «Боинг -737» в аэропорт немецкого города Ганновер приземлился точно по расписанию. Все пассажиры облегченно вздохнули, были рады приземлению. Облегченно вздохнул и Федор

Чубчиков, долговязый мужчина. Он этого момента ждал очень долго, почти пять лет, а может, и всю свою жизнь. От внезапно нахлынувшей радости он с наслаждением вытянул свои длинные ноги и на миг закрыл глаза. До приглашения к выходу из самолета прошло минут десять, не больше. Однако за это время в голове Чубчикова пролетела вся его жизнь. Сейчас, сидя в мягком кресле, он нисколько не сомневался, что за свои сорок лет жизни он вкусил куда больше горечи и слез, чем радости. Ему почти везде и всегда не везло. В первую очередь, неудачниками были его родители.

Иван Афанасьевич Чубчиков, его отец, после окончания восьмилетней школы поступил в городское профессионально-техническое училище. Через год выгнали за непосещаемость занятий и за слабую успеваемость. Пропускал занятия по неуважительной причине — пьянствовал. Страсть к спиртному у молодого парня передалась от родителя, Афанасия Кондратьевича. Во время войны он первым из селян записался добровольцем на фронт. В свою родную Старинку он вернулся в конце сорок пятого, основные почести по освободителям Европы от коричневой чумы фашизма в деревне уже прошли. Инвалида это не так волновало. Дома его ждала страшно неприятная новость. За время его отсутствия умерла жена. Елизавета умерла при заготовке дров. Умерла от простуды. Зима была очень холодной и питание было никудышнее.

Старшина Афанасий Чубчиков, на груди которого была дюжина боевых наград, очень сильно переживал за невосполнимую утрату. Страшно мучила его и левая нога, под Берлином в нее попал осколок вражеского снаряда. Довольно часто мужчина подходил к небольшой деревянной кровати, в которой спал его сын, и тихо всхлипывал. Ваня, Ванюшка, Ванечка, этим летом ему исполнилось четыре годика, все больше и больше становился для него единственной отрадой, отдушиной. Почти год крепился дед Федора Чубчикова. В колхозе от работы он не отлынивал, хотя был калекой. Находил он применение своим золотым рукам и на своем личном подворье. Он обновил крышу дома, отремонтировал сарай, в котором содержалась домашняя живность. Вдовец делал все, чтобы хоть в какой-то мере забыть свое горе. Не получалось. Смерть Елизаветы сильно посеребрила его густую шевелюру. Лишь один Иванушка, любимый внук бабушки Аграфены, из-за своего малолетства о своей матери не переживал. Он с недоумением смотрел то на отца, то на бабушку, которые стояли возле небольшого деревянного креста и почему-то плакали. Мальчишка не плакал, если иногда и плакал, то, скорее всего, это было подражание старшим. Ванятка, наоборот, после прихода своего отца с фронта, заметно оживился.

Причиной этому была небольшая металлическая губная гармоника немецкой фирмы «Hohner». Музыкальное чудо Афанасий привез из Германии. Он со слезами на глазах вручил подарок своему сыну. Елизавета была беременной, когда простилась со своим мужем. Просила его вернуться домой с победой и только живым. Жизнь распорядилась по-иному. Небольшая статуэтка из чистого стекла с позолотой и кусок синего материала на платье ей уже не понадо-

бились, сын же от гармоника был без ума. Сразу же после встречи с высоким дядей, которого он с некоторой опаской принимал за родного отца, Ваня помчался к сельскому клубу, где кучковались деревенские мальчишки. Младший Чубчиков стал авторитетом среди сверстников, и не только среди них. Взрослые, проходившие мимо полуразвалившегося небольшого строения, также считали свои долгом поиграть на необычном чудо-технике. Подарок деда позже получил его внук, Федор...

Размышления долговязого пассажира, который с наслаждением «листал» страницы жизни своих предков, прервал милый голос стюрадессы:

— Уважаемые дамы и господа! Приглашаем Вас к выходу...

Слова молодой девушки для жителей из бывшего Советского Союза стали последними, которые были произнесены на русском языке. Чубчиков с замиранием сердца сделал первый шаг по трапу и через несколько мгновений ступил на немецкую землю. Ступил и невольно остолбенел. Все для него было неродное. И это здание аэропорта и эти потоки людей. И эта световая реклама. Только через час, пройдя пограничный контроль и таможенный досмотр, долговязый мужчина из Сибири облегченно вздохнул. Теперь он за бугром, в Германии. С ним была и его жена, Регина Шнайдер. Три года назад он с нею зарегистрировал законный брак. Сделал он это ради одного — уехать из России, уехать навсегда. Он устал от страны, где все и вся продавалось, разворовывалось и предавалось. И не только поэтому он хотел уехать. Ему не хотелось жить в болоте лжи и обмана. Ему, как и миллионам его соотечественников, так и не удалось пожить при коммунизме. Не удалось и получить отдельную квартиру...

Его желание уехать за бугор и начать жизнь снова да ладом было вызвано и чисто личными вопросами. Ему страшно не повезло в любви...

Сразу же после окончания школы Чубчиков попытался завязать дружбу с девушкой из соседнего села. С Татьяной Пятковой он познакомился в Васильковке, где покупал венки на могилу своих родителей. Она, посмотрев на сверстника, ехидно улыбнулась и сквозь зубы процедила:

— Феденька, ты считаешь, что ты меня достоин? — Потом громко рассмеялась и опять съехидничала. — У меня были не такие кандидаты в женихи... А ты, Феденька, нищий, да еще и долговязый...

Федор вспыхнул, словно свечка. Хотел от злости врезать строптивой особе по ее физиономии. Хотел, но не сделал. Боялся не только огласки, но и милиции. Слова несостоявшейся невесты он запомнил на всю жизнь. Он дал себе клятву, во что бы то ни стало добиться ее руки. В этот же вечер он сильно напился. Напился не от горя. Напился от воспоминаний о хорошей жизни. Только вчера он имел все, что хотел...

Отец Федора Чубчикова был директором совхоза. Хозяйство специализировалось на выращивании яблок и подсолнечника. Часть фруктов продавали, часть шла на сок или на шипучее вино. Семена подсолнечника давили на масло. Во всей округе Иван Чубчиков слыл не только как яблочный король, но и как человек, о котором вся и все говорили только хорошее. Простые смертные души в нем не чаяли. По негласному указанию начальника для них был выделен специальный «дер», небольшой участок сада, где они для собственных нужд «закупали» яблоки. Все остальное находилось под строгим контролем свиты директора. Каждая шишка имела свою персональную делянку, на которой разрешалось «прихватизировать» фрукты. Чубчиков делянок не имел, весь сад был его личной собственностью.

Что означал его отец, Федька узнал, как только пошел в школу. Несколько позже он узнал и о том, как его родитель пришел к власти и обогатился.

После неудавшейся попытки стать каменщиком, Иван Чубчиков очень удачно женился. Женился не по любви, женился по расчету. Судьба Надежды Пырковой в чем-то была схожей с его судьбой. Родители девушки были пьяницами от рождения. Все их богатство состояло из старенького дома, на вид ему было лет сто, не меньше. Из живности было две свиньи. Коров

они не заводили, считали это большой волокитой. Пожилые люди для единственной дочери приданого также не справили, за исключением лишь одного — красоты. Божий дар приходил к Надежде очень медленно, по мере взросления. Иван Чубчиков в ПТУ проучился недолго. За пьянку и пропуск занятий его с треском выгнали. По этой причине он не мог по-настоящему приглядеться к девушкам, которые почему-то хотели стать каменщиками. Прошло пять лет. Однажды Чубчиков совершенно случайно в областном центре встретил Пыркину, свою знакомую. С ней он сидел за одной партой в училище. Сначала он ее не узнал. Некогда обыкновенная девчонка, которая курила и пила наравне с парнями, сильно преобразилась, словно прилетела из другого мира, где царила красота и благополучие. Надя была одета в шикарное пальто с норковым воротником коричневого цвета и такого же цвета в женские сапожки, которые плотно облегли ее стройные ноги. Разговорились. Иван от информации бывшей пэтэушницы чуть было не потерял дар речи. В основе ее невероятных успехов было удачное замужество...

После торжественного собрания, посвященного вводу в строй Дворца пионеров, ее, смазливую девчонку, сидевшую в президиуме, пригласили в специальный зал. В нем обособилась местная власть, где ей предстояло сытно покушать и по-русскому обычаю обмыть появление большого заведения, которое дети с нетерпением ждали десять лет. Пыркина оказалась среди двух мужчин, по возрасту они годились ей в отцы. Она обрадовалась, один из «родителей» стал за ней ухаживать. Для очаровательной девушки это было не в первой. За ней ухаживали почти все ребята из ее потока. Ухаживали за ней и деревенские, в том числе и ее одноклассники. Ни к кому из них она не «клеилась». Следовала совету матери, она просила ее не торопиться с замужеством. Оберегал ее от дурного соблазна и директор ПТУ Назар Иванович Протопопов. Он был для нее не только как начальник, но и как ее отец. Он досконально знал автобиографию своей подопечной. Ему было до слез обидно, что красивая девочка, к тому же и неглупая, пришла в его заведение...

Дело уже близилось к вечеру. Местная элита, «разбавленная» рабоче-крестьянской прослойкой продолжала пировать. Пыркина, сидевшая почти в самом центре большого стола, скупала. Ей уже надоело глазеть на незнакомых дядюшек и тетюшек, которые с большим усердием шевелили челюстями или что-то шептали друг другу на ушко. Она посмотрела на мужчину, сидевшего рядом с нею, и ее лицо зарделось румянцем. Она себя не обманывала. Николай Петрович, так представился ей сосед, после бокала шампанского, ей импонировал. У пожилого мужчины было все. Он был хорошо одет и недурен собою. Особенно ей нравились его седые волосы, они были очень аккуратно подстрижены и аккуратно уложены на правый бок правильной формы головы. Кадышев улыбнулся и пригласил свою очаровательную соседку прогуляться по городу. Она любезно согласилась. Они неспеша вышли из Дворца пионеров и направились к главной площади города. Пыркиной нравилась эта площадь и все то, что на ней происходило. Особенно ей нравились стройные колонны военных во время парадов, они проходили два раза в год, в день победы Великой Октябрьской социалистической революции и в день Победы советского народа над фашистской Германией.

Едва она сделала несколько шагов по главной площади города, как почувствовала прилив свежих сил, который еще никогда не испытывала в своей жизни. От этого ощущения ей стало легко и радостно. Она подняла голову вверх и ее лицо внезапно покрылось маленькими капельками пота. Какая-то неведомая доселе сила из ее девичьего организма все больше и больше притягивала ее к высокому мужчине, который почти на целую голову был ее выше. Она то и дело поднимала свои глаза вверх, то их опускала. Ее сердце радостно екнуло. Симпатичный мужчина, рассказывающий о перспективах развития своего родного города, с каждой минутой ей все больше и больше нравился. Вскоре они подошли к большому зданию. Остановились. Кадышев, слегка прикоснувшись рукой к плечу девушки, спокойно произнес:

— Извините меня, товарищ Пыркина, мне придется Вас покинуть...

Улыбнулся и серьезно добавил:

— Пойду к себе кабинет — немного поработаю... Молодежь ждет от нас, отцов, новых планов...

Надя тяжело вздохнула, слегка ойкнула и протянув руку мужчине, стала лупить перед ним своими голубыми глазами с большими ресницами. Необычайным даром природы она покоряла всех ребят. Без ума от ресниц был и заведующий отделом строительства областного комитета партии Кадышев. Они чем-то напоминали ресницы его дочери, которая погибла вместе с матерью этим летом. Они погибли совершенно случайно, даже нелепо. В этой трагедии Кадышев винил только себя. Он разрешил жене сесть за руль служебного автомобиля. До этого никогда не разрешал.

После небольшого застолья Галина напросилась вместе с дочерью покататься на машине — съездить в лес. Кадышев согласился, но строго предупредил, в случае непредвиденного — давить изо всех сил на тормоза. Сам стал помогать родителям. Принялся колоть дрова и складывать их в поленицу. Прошел час, другой. Ни машины, ни близких ему людей не было. Он заволновался. Он то и дело выходил на дорогу. Затем сел на велосипед и проехался по деревне. Жены с дочерью не было. Под вечер к дому старших Кадышевых подъехал на лошаде мальчишка-пастух и поделился увиденным...

Дело было к обеду, он гнал совхозную скотину к котловану, на водопой. Он увидел легковую машину, которая промчалась мимо него и скрылась в облаках пыли. Сомнений не было. К деду Петру приехал из города сын, большой начальник. Он частенько бывал у отца, особенно летом. Помогал по хозяйству. Пастушонок плотно пообедал и вновь погнал животных на пастбище. И опять он увидел черного цвета машину, она ехала в сторону котлована. В том, что женщина, сидевшая за рулем, намеревалась помыть машину, мальчишка не сомневался. Местные всегда здесь мыли свои машины или мотоциклы. Через три часа он оказался у котлована. Невольно вспомнил о «Волге» черного цвета и внимательно посмотрел по сторонам. Каких-либо следов ее пребывания он, к своему удивлению, не обнаружил. Он объехал искусственный вокруг, искал следы автомашины. И это ему удалось. Он увидел их на противоположном конце водоема, где находилась высокая земляная насыпь. Он присмотрелся и слегка вздрогнул. После отпечатков протекторов колес шла жирная колея, она вела в огромную яму, наполненную водой...

Водительница, увидев перед собою большую насыпь земли, перешла на пониженную передачу и сильно нажала на педаль акселератора. «Волга» взревела и рванулась вверх. Несколько мгновений Галина видела перед собою только небо. Ее надежда увидеть за насыпью дорогу или специальную площадку не оправдалась. Машина вдруг «клюнула» вниз, и встав на попа, плюхнулась в воду. Попытки женщин открыть двери салона и выйти закончились безрезультатно...

Неприятный инцидент, происшедший с коммунистом Кадышевым, сначала пытались замять. Тянули волынку несколько месяцев. Не получилось. В приемную «серого дома» пришло десятки писем. Авторы хотели знать, получил большой чиновник партийное взыскание за использование автомобиля в личных целях и возместил ли он материальный ущерб. Каких-либо соболезнований по поводу погибших от анонимщиков не было.

Кадышева из партии не исключили, сильно пожурили. С работы же сняли. Через неделю ему предложили две должности, они были неравнозначными. Он выбрал самую маленькую — директор плодоовощного совхоза.

Знакомую физиономию мужчины из серого дома, по которому у Нади Пыркиной болела душа и сердце, она увидела по местному телевидению. Увидела совершенно случайно. Корреспондент брал у него интервью. Сначала она не понимала, почему важный чиновник водил худошавого мужчину с микрофоном по небольшому селу и показывал ему огромный цветущий сад. На всякий случай она записала его фамилию. Утром пошла в мощный особняк. Возле входа ее встретил милиционер. Он был очень высокого роста и с большим животом. Увидев

молодую девушку, она попыталась проскочить мимо него, он с удивлением посмотрел на посетительницу и строго рявкнул:

— Девушка, а ты по какому поводу сюда пришла? И почему начальников не замечаешь?

Заметив, что смазливая особа испугалась его грозного вида и страшно покраснела, он сменил гнев на милость:

— У нас все отделы работают только с девяти часов...

Страж порядка слегка крикнул, скорее всего, от важности своей персоны, и посмотрев на часы, висевшие над столом, на котором стоял телефон, с улыбкой добавил:

— Гражданочка! До приема еще целых сорок минут... Лучше иди и погуляй на улице...

И не мешай людям работать...

Поучения сержанта милиции внезапно закончились. Входная дверь тихо скрипнула и прямо перед носом Пыркиной появился военный. Какого цвета была его фуражка и сколько звезд было на его погонах, она не могла понять. Однако в том, что он был большой начальник, она не сомневалась. Свидетельством этому было поведение милиционера. Долговязый моментально вытянулся и напыжившись, словно собака на кошку, голодная кошка на мышшь, приподнял руку к виску и громко отчеканил:

— Здравия желаю, товарищ полковник... За время моего дежурства...

Полковник слегка улыбнулся, и махнув рукой в сторону подчиненного, ускоренным шагом направился к лестнице, ведущей наверх. Едва он исчез из виду, милиционер облегченно вздохнул и вновь «выпустил» живот. Его «бдение» не только рассмешило юную посетительницу, но и в один миг изменило ее тактику. Она решила припугнуть стража порядка своей осведомленностью и связями с подобным большим начальником, перед которым только что выслуживался долговязый. Она вытащила из сумки, с которой ходила на занятия, небольшой листок бумаги и с очень строгой физиономией по слогам произнесла:

— Я ищу Николая Петровича Ка-ды-ше-ва... Он мне сильно нужен, товарищ милиционер... — Почесав пальцем кончик своего носа, с улыбкой добавила. — Он мой папа...

Долговязого после слов девушки словно подменили. Он подал свое тело вперед и грубо взял посетительницу за плечо. В сей миг его физиономия стала красной, как у рака. Затем он с гневом прошипел:

— Красавица, не ври... Не обманывай честных тружеников советского правопорядка... У Николая Петровича недавно погибла его жена и единственная дочь... Он сейчас в совхозе «Заря коммунизма» Мягковского района...

Неожиданная улыбка на лице смазливой особы не на шутку разозлила дежурного. Он вплотную приблизился к ней, и слегка наклонив голову вниз, пробурчал себе под нос:

— Еще пару слов, и я тебя, красавица, дубинкой по одному месту отстегаю...

Стегать ему уже было некого. Пыркина ловко вывернулась из-под его рук и дала деру к выходу. Оказавшись на значительном расстоянии от источника повышенной опасности, им являлся разъяренный милиционер, она прокричала:

— Большое спасибо, большое спасибо, мой дядя Федя милиционер...

Затем она рванула к себе дверь и стремительно выбежала на улицу. Ее лицо сияло от радости...

Совместное проживание пожилого мужчины и молодой девушкой селяне встретили в штыки. Поползли мыслимые и немыслимые слухи и сплетни. Число противников прелюбодения росло с каждым днем. На стороне Кадышева было лишь несколько бабушек, верующие. Они не верили, что представительный мужчина, и к тому партийный, может быть антихристом и жить с малолеткой. Кое-кто из умных заинтересовался социальным происхождением нового директора. Особенно усердствовали коммунисты. Они писали письма в райком партии. Они требовали одного, как можно строже наказать начальника за разврат девчонки, которую мало кто из них вообще видел. Пыркина вела затворнический образ жизни. Едва Кадышев уезжал

на работу, она убирала в квартире и ложилась на диван. Смотрела телевизор или читала книги. Иногда выходила во двор или в большой сад, окружавший дом. Садилась на скамейку и закрывала глаза. Открывать глаза и любоваться природой ей часто не хотелось. Не было настроения. На улицу она не выходила, боялась людей.

Бояться их она стала после первой встречи с жителями деревни. Она произошла через пару дней после ее приезда к Кадышеву. Был поздний вечер, когда она встретила на дороге небольшую группу женщин, возвращавшихся из сада. Она поздоровалась с селянками. Молодые всегда приветствовали старших первыми. Этому ее учили в школе, учили этому и в ПТУ. Этому правилу она не изменяла и в своей деревне, не изменила и здесь. Равнодушие к своей персоне новенькую сильно поразило. Никто с нею не поздоровался, даже никто не кивнул головой. Мало того. Из толпы донеслось:

— Маня, не это ли краля нашего нового директора окрутила? — Одна из женщин оглянулась, и приостановившись, громко произнесла. — Да, это она... Я ее вчера со старым хахалем видела в их палисаднике...

О происшедшем Надя своему любимому мужчине не рассказала. Излишнее расстройство могло сослужить ему плохую службу. Она знала, что он не так давно потерял близких ему людей. У Николая Петровича нередко болело и сердце. Результатом этого была нервная работа в обкоме партии и сейчас, уже директором. Прибавила ему проблем и внезапно нахлынувшая любовь к молодой девушке. Сама она его нисколько не пугала, пугал ее возраст. Ей было только двадцать, ему же — почти пятьдесят. В свободное от работы время Кадышев часто делал экскурс в историю любовных отношений, как своей страны, так и за рубежом. Подобных примеров не было. Может они и были, но он о них не знал. Одно он знал четко. Без этой молодой девушки он уже не представлял свое будущее. Он восхищался ее порядочностью и невероятной настойчивостью. Она, невзирая ни на что, сама его разыскала. Первой призналась ему и в своей любви. И сейчас она вела себя достойно, словно у нее не было проблем.

Кадышев был неглуп. Он сразу же заметил, что сельчане с большой опаской встретили нового руководителя. С явным непониманием они отнеслись и к его новым порядкам, которые он в первый же день в прямом смысле стал насаждать. Он строго-настрого запретил любое воровство из сада, из ферм. Для острастки двух несунув уволил. О директоре-диктаторе сразу же пошли сплетни, одна страшнее другой. Кадышева вызвали в райком, к первому секретарю райкома партии. Парасотченко ему был незнаком. На должности секретаря он был новеньким, как и сам Кадышев на должности самого маленького совхоза в области. Районный вождь приехал из Москвы, после окончания Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Разговора, как такового, между номенклатурными работниками не получилось. Кадышев заскрипел зубами, когда не получил приглашения присесть. Он стоял перед холемым молодым человеком, который не только устроил ему настоящий разнос, но и в прямом смысле издевался. Он не огрызнулся, знал, что это будет для него лишняя оплеуха. Как не сомневался, что партийное взыскание ему обеспечено. Не исключал он и «высшей меры наказания». Что это означало на деле, ему было известно...

Вскоре его пригласили на заседание бюро райкома партии. Его решение было единым. За аморальный образ жизни директору совхоза «Заря коммунизма» объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку. «Аморальщик» стоял бледный, словно восковая фигура. Его удивляло равнодушие к его судьбе. Никто из них не задал ему ни одного вопроса, не поинтересовался и женщиной, с которой он жил в гражданском браке. Кадышев внимательно рассматривал живые винтики и приходил к однозначному выводу. Стоит ему только против них выступить, его тут же раздавят... Для них он был и есть пустое место...

Размышлять о бесчеловечности сотоварищей по партии ему больше не пришлось. Парасотченко сквозь очки посмотрел на пожилого мужчину, который почему-то все еще стоял и не покидал помещение. Постучав карандашом по столу, он сквозь зубы процедил:

— Товарищ Кадышев, члены бюро к Вам вопросов не имеют... — Затем он громко прокричал. — Попросите зайти коммуниста Дракова...

До деревни оставалось пару километров, не больше. Черная «Волга» уверенно летела по асфальтированной дороге. Кадышев все еще продолжал «перемалывать» в своей голове только что прошедшую «парточистку». Увидев по обеим сторонам дороги большой сад, он внезапно заплакал. За столь короткое время он уже успел привыкнуть к этому селу и к этому живописному саду, и, конечно, к своей любимой женщине... Неожиданно что-то очень острое прожгло его грудь и со страшной болью отозвалось во всем теле, затем в голове. Он опустил руку вниз, хотел переключить передачу и остановить машину. Сделать это ему не удалось. Его куда-то несло и несло...

Машину директора совхоза обнаружили деревенские ребята. «Волга» лежала на боку, неподалеку от глубокой траншеи, которой был опоясан сад. Искусственное углубление служило преградой для домашней скотины. И не только. Оно преграждало путь и для транспорта, владельцы которого намеревались пожить за счет народного добра. Ребята прибежали в контору и сообщили о происшедшем. Вскоре приехала милиция и врачи. Стало ясно. Машина на большой скорости съехала с дороги и ринулась в направлении сада. Преодолев траншею, она сделала пару кувырков и врезалась в первую попавшую яблоню. Водитель был мертв. На этот раз сердце коммуниста с тридцатилетним стажем не выдержало...

Кадышева похоронили на городском кладбище. Желаящих проводить его в последний путь было очень мало. Человек десять, не больше. Чиновников из района или области не было. Некролога о бывшем руководителе в газетах также не было.

Пыркина очень тяжело переживала гибель любимого человека, который был для нее одновременно отцом и мужем. Ее опасения, что после смерти Кадышева она останется без жилья, не оправдались. Директор жил в такой же квартире, что и большинство совхозников. Она долго раздумывала о своем будущем. Ехать в город не хотела. Близких родственников, как и хороших знакомых, у нее там не было. Остаться в деревне также было бессмысленно. Здесь каких-либо перспектив вообще не было. Она стояла на перепутье жизни и смерти. Апатия брала верх над ее разумом. Закрыв дверь на ключ, молодая женщина ложилась в постель и целиком закрывалась одеялом. Никого и ничего не впускала в свой внутренний мир. Нередко подумывала о самоубийстве. Все больше и больше приобщалась к спиртному. Однажды во время запоя ей приснился страшный сон, он сильно врезался в ее память. Кадышев стоял возле своей могилы, и глядя на молодую женщину, очень настойчиво повторял:

— Надя, Надюша... Я ради нашей любви отдал свою жизнь...

Отдай и ты свою... Сделай все для своего земного счастья, я тебя очень прошу, моя любимая...

Пыркина проснулась и от страха задрожала. Затем, словно на исповеди, уверенно произнесла:

— Коля, мой милый, мой дорогой... Ради тебя и ради нашей любви я пойду на все, сделаю все возможное для нас...

Прошла неделя. Все это время затворница размышляла о вещательном сне своего любимого человека...

Попытка Надежды Пыркиной устроиться на работу в совхозе, которым совсем недавно руководил ее любимый мужчина, с треском провалилась. Почти все селяне, особенно женщины, были против этого. Был против и новый директор совхоза Еремин, бывший секретарь партбюро. Его назначили директором на следующее утро, как только первый секретарь райкома партии узнал о гибели предшественника. Безработная поехала к своему народному депутату, пожаловалась на произвол местной власти. Он помог. Пыркина, куда бы ее не посылали, везде работала с усердием. Молчала, лишь иногда до крови кусала свои губы. Невзирая ни на

что, продолжала думать и думать. Завет Кадышева для нее стал своеобразным талисманом, который защищал ее от всевозможных напастей.

Усердие новенькой сначала заметили те, с кем она работала бок о бок. Несколько позже это заметили и ее враги. Через полгода Пыркину назначили бригадиром. Под ее началом было двадцать женщин и трое мужчин. Еще через полгода состоялось внеочередное собрание жителей трех сел. Оно избрало Пыркину директором совхоза. В истории района это явление было архиредкостным. Директора всегда присылали, по инициативе партийных органов. Она, откровенно говоря, не ожидала такой прыти по служебной лестнице. Скорее всего, ей это сам Бог благоволил. И не только он. В этот же день молодая женщина поехала в город. Она долго сидела возле могилы Кадышева и плакала...

Через неделю Пыркину утвердили на заседании бюро райкома партии. Областные власти против народного избранника также не возразили. Прошло два года. Обязанности директора совхоза, вместо ушедшей в декретный отпуск Надежды Пыркиной, стал исполнять Иван Чубчиков, ее муж...

Федька Чубчиков свою «избранность» по-настоящему вкусил уже в школе. Осенью появилась новенькая учительница, ее назначили классной руководительницей у пятиклассников. Ей во время своего первого классного часа страшно не понравились девочка и мальчик, они сидели за последней партой. Не проходило и минуты, чтобы они не занимались чем-то посторонним. Они то громко хлопали друг друга по рукам, то что-то писали на небольших кусочках бумаги и передавали их друг другу. В конце концов терпение наставницы лопнуло. Она подошла к мальчику и попросила его пересечь за первую парту. Федя с недоумением посмотрел на учительницу, нехотя привстал из-за парты и ехидно произнес:

— А мне и здесь неплохо сидится... — Потом нараспев добавил. — Я, Ирина Владимировна, сижу вместе с Машей четыре года, и никто к нам не приста-а-ва-а-л...

Раздался дружный хохот. Жаргон мальчишки женщине явно не понравился. Она в сей миг вскипела, и взяв ученика за шиворот, насильно повела его к первой парте. Федька страшно пыхтел и упирался, но силы были неравные. «Учителька» была высокого роста и мощного телосложения. Чубчиков уже не сомневался, что он потерпел сокрушительное поражение в борьбе за место на Камчатке, так называли тех, кто сидел за задней партой.

В спор между учительницей и учеником неожиданно вмешалась Маша Петрова, его напарница. Она подошла к учительнице и громко произнесла:

— Ирина Владимировна, Вы, наверное, не знаете, что Федя Чубчиков сын нашего директора совхоза... Моя мама мне каждый день об этом говорит... — Девочка заулыбалась и тихо прошептала. — Я до самой смерти буду с Федей дружить, он мне помогает...

Заявление-ультиматум самой маленькой по росту школьницы не на шутку разозлило Пастухову. Она встала из-за стола и выскочила из класса. В класс она пришла минут через пятнадцать. Пришла с заплаканными глазами. Она сразу же подошла к Феде Чубчикову, и уставившись на него глазами, словно на иконку, тихо промолвила:

— Федя, Федор Иванович, прости меня... Простите меня, пожалуйста... Произошло небольшое недоразумение...

Затем очень осторожно взяла мальчишку под руку и также осторожно посадила его за заднюю парту. Федька вальяжно опустился на сиденье и победоносно посмотрел на свою учительницу. Сейчас, как ему казалось, она, несмотря даже на свой большой рост, выглядела против него маленьким гномиком, из глаз которого катились слезы. Он посмотрел на свою соседку и тут же сильно ее ущипнул. Маша громко вскрикнула и засмеялась. «Камчака» победила...

Пятиклассники, конечно, не знали, что произошло с их учительницей за время отсутствия. Пастухова вышла из класса и сразу же направилась к директору школы Косоротову. Ей повезло, он сидел в своем кабинете и готовился к педагогическому совету. Она спокойно изложила все то, что случилось во время ее классного часа. Косоротов сначала молчал, вни-

мательно слушал. Затем встал из-за стола и неспеша подошел к своей подчиненной. Немного наклонился вперед, словно ему предстояло просить милостыню, и внезапно прорычал:

— Я, товарищ Пастухова, очень недоволен первыми шагами вашей педагогической работы... — Внезапно его голос пропал. Происшедшее с сыном директора его шокировало. Он несколько раз хмыкнул себе в кулак и продолжил нравоучения:

— Я считаю грубейшей ошибкой, что Вы, товарищ Пастухова, не интересуетесь социальным положением родителей... Вы, даже не знаете родителей самого прилежного и самого талантливого ученика нашей школы...

Косоротов вновь хмыкнул себе в кулак, сильно покраснел и заскрипел зубами. Новенькая, увидев звериную физиономию шефа, затряслась от страха. Ее лицо покрылось легкой испариной. Она ринулась к графину с водой, хотела помочь мужчине. За ее спиной тотчас же раздавался истошный вопль:

— Пастухова! Сейчас же идите и в присутствии всего класса извинитесь перед Федей... Идите, а то я не выдержу и пошлю Вас ко всем чертям, ко всем че-рр-тя-ям...

Прошло десять лет. В жизни Федора Чубчикова произошли очень серьезные изменения. За год до окончания средней школы у него погиб отец. Три месяца спустя погибла и его мать. Он уже был взрослым и прекрасно понимал, отчего и почему все это произошло. Все, что находилось на территории совхоза, принадлежало чете Чубчиковых. Благодаря этому, не только они сами, но и их единственное чадо жило на широкую ногу. Поток жалоб от селян в малой степени портил им нервную систему. Они имели связи как в районном центре, так и в области. Иван Чубчиков народные деньги тратил налево и направо. Он часто делал себе и членам семьи щедрые подарки. Как правило, все и вся приурочивал к юбилейным датам.

К пятой годовщине своей супружеской жизни Чубчиковы справили новоселье в двухэтажном особняке из красного кирпича. Дом находился в километре от центральной усадьбы. Директору очень нравился свежий лесной воздух. Сын успешно закончил шесть классов, родители купили ему мотороллер. Еще через два года — новенький «Москвич». Федька от неопишуемой радости громко взвизгнул, когда отец к особняку подогнал автомобиль красного цвета. Красный цвет младший Чубчиков просто обожал. И сам не знал, почему. Возможно, за то, что его прадед воевал на стороне большевиков, устанавливал Советскую власть в Сибири. Может и за то, что его дед Афанасий уничтожал фашистов в самом их логове, в Берлине. За два месяца до своей смерти родитель привез сыну и права. Они ему в принципе были и ненужны. Милиционеры в округе не останавливали сына яблочного короля, наоборот, часто перед ним заискивали. Селяне в это дело нос не совали, боялись.

«Тачка» начисто отбило у Федьки Чубчикова желание учиться. Он считал, что учеба — занятие бессмысленное. Да и зачем мозги напрягать? В их доме днем и ночью царил изобилие и достаток. Деликатесами были забиты два больших холодильника. Одевался он также по последней моде. Ему завидовали даже студенты, приезжавшие на уборку урожая. Свое свободное время он также проводил наилучшим образом. Часто ездил с родителями в районный центр Васильковку на различные аттракционы. Семья посещала и ресторан. Местные знаменитости кушали в специальном зале. Предки пили коньяк или водку, Федька до упора дул любимое «Буратино».

Летом Чубчиковы, как правило, пропадали на своей даче, которая находилась на берегу Днепра. Мальчишка сильно любил воду, почти все время купался. Переплыть Днепр ему большого труда не стоило. Любил он и рыбалку. Он часами сидел за удочкой и глазел на прыгающий поплавок. Сидел много, но улов был не ахти большой. Родители часто подтрунивали над сыном, когда в его ведерочке плавали две-три маленькие рыбешки. Федька пропускал мимо ушей их усмешки и двигался к коту Ваське, который лежал перед входом в кирпичный дом. С уловом рыбака он расправлялся в один присест.

Иван Чубчиков погиб совершенно случайно. Случилось это во время уборки подсолнечника. Он заприметил, что комбайнер Петр Хряков нечист на руку. После смены в его бункере оставались семена подсолнечника. По утрам вместилище было абсолютно пустым. Кто забирал остатки семян, оставалось тайной. Директор решил довести дело до конца. В пятницу, вечером он устроил засаду, притаился возле небольшой копны соломы, которая находилась неподалеку от стоянки комбайнов. Он категорически запретил использовать любую совхозную технику для поездки домой. Экономилось не только топливо, но и значительно сокращалось число происшествий. Кое-кто из механизаторов за штурвал садился под градусом. Около двух часов ночи раздались голоса.

Чубчиков осторожно покинул укрытие, затем по-пластунски прополз метров двадцать в сторону стоянки и тут же притих. Возле комбайна копошилось двое мужчин. Они о чем-то тихо разговаривали. Голос Хрякова для него был знакомый. Его напарник был не из местных. Иван немного переждал, привстал и на цыпочках и подошел к комбайну. Притаился за колесом и поднял голову вверх. Хряков находился в бункере и насыпал семена подсолнечника в мешок. Чубчиков в этом уже несколько не сомневался. Где был его сообщник, он еще не знал. Он подошел к металлической лестнице, ведущей к кабине водителя, и очень осторожно поднялся наверх. Поднявшись, включил карманный фонарик и направил его на лицо комбайнера. Хряков, сначала не понимал, что произошло. Он закрыл руками свои глаза и от неожиданности громко вскрикнул. Тотчас же снизу раздался голос:

— Петька, ты что кричишь, как ошалелый... Али чего испугался?

На вопрос мужчины, он все еще оставался для Чубчикова неизвестным, никто не ответил. Хряков молчал и сильно дрожал от страха. Невесть откуда появившийся директор на некоторое время лишил его разума. Контролер также не подавал голоса, не хотел пугать второго сообщника.

Неизвестный вновь проговорил:

— Петька, что там у тебя произошло? Давай кидай мешок вниз и дело с концом...

Хряков, окончательно оправившись от нервного шока, громко крикнул, словно проверял наличие своих голосовых связок в горле, и дрожащим голосом ответил:

— Мне сейчас не до мешков... — Он вновь крикнул и через силу из себя выдавил. — Директор наш пришел... Одним словом, нас застукали...

Ответа от неизвестного не последовало, что Чубчикова обрадовало. Он был уверен, что напарник Хрякова дал деру. Преследовать его было бесполезно. Он мог скрыться в большом лесу, он находился в километре от стоянки. Иван нахохлился, словно поймал большую птицу, и со злостью прошипел:

— Ну, товарищ Хряков, наконец я до тебя добрался... Берите мешок и следуйте в мою машину. Завтра будем разбираться...

Дальше ему произнести что-либо не удалось. Его голову прожгла сильнейшая боль. Ударили не то металлическим прутом, не то деревянной палкой. Он пошатнулся и полетел вниз.

Рано утром село облетела страшная весть. На временной стоянке сельскохозяйственной техники нашли мертвого директора совхоза. Милиция приехала к месту происшествия только к обеду. Стали разбираться. Сначала допросили комбайнеров. Никто из них никого и ничего не видел. Хряков также о происшедшем ничего не знал. Вскоре судебная экспертиза пришла к однозначному заключению. Чубчиков во время ночной проверки оступился и упал вниз на зерноподборщик. Рана была смертельной...

Надежда Чубчикова очень тяжело переносила смерть своего мужа. Она неделю не выходила из дому, плакала. Плакал и Федька. Он никогда не думал, что так глупо из жизни уйдет его отец. Старшеклассник сейчас, как никогда раньше, понимал, кем для него были родители, особенно его отец...

Через день после похорон Ивана Чубчикова в Старинку прислали нового директора, он буквально через час уволил главного бухгалтера совхоза. На следующий день по его указке в совхозную столовую нагрянули народные контролеры. Учреждение общественного питания три дня не работало. Ее заведующую Надежду Чубчикову для разборок не пригласили. По деревне и в округе поползли слухи. У погибшего директора на сберегательной книжке лежало несколько тысяч рублей. Десятки или сотни тысяч, никто не знал. Не знал и его сын. Результаты рейда народных контролеров напечатали в районной газете «К победе коммунизма». Федька со слезами на глазах прочитал объемную статью. Его родную мать обвиняли в хищении продуктов и во всевозможных обсчетах и обвесах...

Авторитет младшего Чубчикова после смерти его отца резко пошатнулся. Никто из учителей уже не подавал ему руки, как и не интересовался его здоровьем. Не замечал его и директор школы. Раньше Косоротов, едва увидев сына яблочного короля, снимал со своей головы шляпу или махал ему рукой. Изменила к нему свое отношение и Маша Петрова, в которой все эти годы Федька души не чаял. Школьники понимали друг друга с полуслова, мечтали поступить в один и тот же университет. Юноша хотел стать журналистом, девушка — историком. Чубчиков по-настоящему любил свою соседку по парте. Только с нею и ни с кем другой он строил планы на будущее. Его же родители были против этого. Они почти ежедневно ему долбили, что Маша ему не пара. Сын в ответ ничего не говорил, молчал.

Он и сам был уже неглупый, понимал, к чему клонили его предки. Родители невесты — простые люди, отец — разнорабочий, мать — доярка. Мало того. Они ей сильно портили нервную систему, когда ударялись в запой. Переживал и жених. Он украдкой набивал сумку продуктами и отвозил ее в небольшую избушку, где Маша жила с родителями. Первой благоденствие сына заметила мать, которая по-настоящему сняла с него стружку. Она была против какой-либо помощи бездельникам и неучам. Беды взрослых людей юноше были по одному месту. Он не отступал.

Совместное времяпрепровождение с сыном директора совхоза вызывало злобу у подруг Петровой. За год до выпускного бала она вообще осталась без них. Девушку это мало беспокоило. Одно она знала четко. Только брак с долговязым Чубчиковым даст ей возможность выбиться в люди, притом только в богатые. В районе не было такого кирпичного особняка, как у его родителей. Никто так модно в школе не одевался, как ее жених. Никто из знакомых ее парней не имел даже мотоцикла, у Феде же была целая машина, притом новая. Молодые люди довольно часто летом были на берегу Днепра, купались.

Никто из них не скрывал, что они друг другу нравились. Федя очень долго задерживал свой взгляд на девушке с красивой фигурой и с модной прической. Маша также была без ума от паренька, он был тощий как тростинка, но ее привлекали его голубые глаза и также его желание ей угодить. Последнее качество жениха ей особенно нравилось. Благодаря ему она имела модную одежду, неплохо питалась. В школьной столовке кормили не ахти хорошо. Чубчиков приносил из дома что-нибудь вкусное и тут же делился с девушкой. Делился на зависть полуголодным одноклассникам.

Смерть директора совхоза, очень строгого мужчину Петрова восприняла с большой болью. Он наводил страх не только на ее родителей, но и на большую часть жителей. С родителями друга она встречалась редко. В гости к Феде приходила, как правило, в их отсутствие. Жених в доме невесты вообще не был. Он останавливался напротив избушки и нажимал на клаксон мотоцикла или автомобиля и терпеливо ее ждал. Затем они ехали туда, куда глаза глядели. У молодого человека проблем с бензином или с запчастями не было. Не было проблем и с деньгами...

С большой печалью восприняла Маша и смерть матери Федора Чубчикова. Она погибла в Васильковке, районном центре. При переходе улицы ее смертельно травмировал маршрутный автобус. Девушка с красивой прической утешала друга как только могла. Через неделю

ее словно подменили. Она уже не пылала страстными глазами, когда круглый сирота входил в класс и садился рядом с нею. Изменилась не только она, изменились и ее одноклассники. Они уже не считали для себя честью пожать руку долговязому.

Федька эти перемены сразу же заметил, особенно после смерти отца. Он, несмотря на «солидный» возраст, прекрасно понимал, что его отличная учеба и далеко непримерное поведение, определялись не извилинами в его голове, а служебным положением родителей. Отсюда исходил подхалимаж и лицемерие. Директор школы поздравлял с днем рождения не только супругов Чубчиковых, но и их сына. «Отпускал» он поздравления отпрыску местных воротил на торжественной линейке. Ко дню его ангела нередко приурочивался и выпуск стенной газеты. Именинник подходил к небольшому листу ватмана, и ткнув пальцем в заметку, расплывался в улыбке. Его, как правило, в этот день не спрашивали, освобождали и от написания контрольных работ или сочинений. Мальчишка от уважения к своей персоне потирал руки и целый день бил баклуши. Он гулял по школьному саду или сидел за партой и разглядывал себя в маленькое зеркальце, с ним он не расставался ни днем, ни ночью.

Не забывал он подергать за косу и соседку, которая от его внимания просто млела. В обычные дни он также не усердствовал. Учителя спрашивали его только по его личному желанию. Стоило ему прочитать или заучить пару предложений, как он тотчас же тянул руку вверх. При написании контрольных работ еще было проще. Маша открывала тетрадь, и он спокойно переписывал решение. «Камчатка» писала один и тот же вариант или одну и ту же тему. Учителя подобное «сотрудничество» в душе не поддерживали, но молчали. Боялись яблочного короля, он слыл в округе не только богатым человеком, но и настоящим деспотом.

Любовный роман между «жителями Камчатки» окончательно развалился, едва невеста узнала, что ее жениха выселили из двухэтажного особняка. Она вообще его не стала замечать. Федор уже не сомневался. Маша тянулась раньше к нему только из-за богатств, которые имели его родители. Нет богатств — нет и любви...

Не везло Федору Чубчикову и с очередной невестой. Бригадир шабашников, они строили гаражи и дачи, делал все, чтобы Пяткова его оценила или заметила. Он купил себе кооперативную квартиру, затем машину. Не забывал и о своей любимой. Он часто делал ей подарки или давал деньги. Несмотря на все старания и порядочность ухажера, симпатичная особа не пускала его к себе в постель. Предложения стать его женой она также отклоняла. Пяткова не кривила душой, ей нравилось издеваться над парнем, который был недурен собой. Мало того. С другими же мужчинами в тайне от Чубчикова она крутила романы. Кое с кем из них делила любовное ложе, кое-кого водила за нос. Она улыбалась, когда очередной жених, просадив ради нее свою нищенскую зарплату или стипендию, скрипел зубами и со злостью хлопал дверью.

Она специально мстила тем, кого было принято называть мужчинами. Для этого у нее была весомая причина. Еще в школе Таня влюбилась в своего одноклассника. Толя Самохвалов отличался не только природной красотой, но и умом. Особенно он преуспевал в математике. Во время выпускного бала она первой поздравила его с золотой медалью. Умник принял ее поздравление как должное. Затем молодые люди вышли подышать свежим воздухом. Они подошли к конторе и увидели маршрутный автобус. Он опоздал, причиной этому был прошедший дождь. Девушка первой предложила своему другу съездить в Локшино, где было много фонтанов. Он охотно согласился. Через час они уже гуляли по небольшому городу и оживленно делились наиболее яркими эпизодами из только что прошедшей школьной жизни. Гуляли до поздней ночи, пока не продрогли. Пришли на автовокзал, он уже был закрыт. Пошли в гостиницу. Пожилая администраторша, зная о том, что по всему Союзу проходили выпускные балы, от воспоминаний о своей молодости чуть-чуть прослезилась. Однако это не помешало ей строго придерживаться законов. Молодых людей, не являющихся мужем и женой, она поместила в разные номера, даже на разные этажи. Самохвалов в эту ночь проявил поистине природную смекалку. Он привязал простыню к балконной стойке и спустился на этаж ниже, к

своей землячке. Татьяна в эту ночь впервые в своей жизни объяснилась в любви парню, который был на три месяца ее старше. Не только призналась в своих чувствах, но и отдалась. Осенью Самохвалов уехал в Киев, поступил в политехнический институт. В родной деревне он больше не появился. Беременная девушка несколько раз обращалась к матери своего жениха, хотела узнать его местонахождение. Женщина каждый раз отмалчивалась. Обманутая не стала дальше испытывать свою судьбу. Она не только сделала аборт, но и вставила себе спираль...

Летом Чубчиков вновь предложил свое сердце и руку студентке педагогического института. Пяткова, как и раньше, ничего ему не ответила, лишь кивнула головой и заразительно засмеялась. По-озорному рассмеялся и жених-старожил. Он слегка чмокнул безответную любовь в щечку и рысью кинулся к своей машине. Завел двигатель и со слезами на глазах помахал рукой той, которая стояла неподалеку и строила ему рожицы. Только перед самым выпуском она дала согласие стать женой долговязого мужчины. Причиной этому была не любовь, а ее шкурные интересы. Почти всю ее группу распределили за Урал. Остаться на Украине молодой учительнице помог Федор Чубчиков, круглый сирота.

Первой брачной ночи, как таковой, у молодоженов не было. Родители Пятковой не удосужились выделить какое-либо помещение для их уединения. Инициативу жениха прогуляться по деревне, невеста с удовольствием поддержала. Она уже скучала на своей свадьбе. Они вышли на главную улицу села и направились в сторону небольшого леса, он находился за животноводческими постройками. И здесь было не до любви. Колок был мокрый и кишел какими-то пауками. Попытка Чубчикова в ночной полутьме разжечь костер провалилась. Ему не удалось найти хотя бы пару гнилушек, были одни только опавшие листья и те мокрые. Татьяна, наблюдая за неудачником, в своей душе радовалась. Как и радовалась тому, когда он приподнял ее платье, и спустив ее плавки до самых колен, сделал попытку ввести свой член в ее влагилице. К ее удивлению, пенис мужа был недвижимый, словно его срубили под самый корешек. В конце концов «секс» женщине надоел, и она, слегка оттолкнув мужчину, привела себя в порядок и неспеша направилась к опушке леса. «Импотент» последовал за нею. Он не скрывал своего стыда и поэтому все время плевался, будто что-то неприятное скушал. Перед самой деревней, на изгибе дороги он спохватился. Он обеими руками схватил свою любимую за плечи и стал осыпать поцелуями ее лицо. Она его ласкам не противилась, как и не проявляла к нему какой-либо инициативы. Чубчиков ее равнодушие заметил сразу и с недоумением спросил:

— Танечка, я чем-то тебя обидел? Или на нашей свадьбе что-то не так... Скажи же мне, дорогая...

Пяткова ничего не ответила. Лишь после того, как почувствовала между своими ногами упругий член нелюбимого мужчины, она тихо произнесла:

— Не надо, Федя, не надо... Все равно у нас в этой жизни ничего не получится... Пойми меня правильно, Чубчиков...

Затем она громко зарыдала. Чубчиков со страшной силой прижал к своей груди любимую шатенку. Она и на этот раз была равнодушна к его ласкам и словам. «Игра в одни ворота» в конце концов вывела мужчину из себя. Он вскипел, и резко отпрянув в сторону, со злостью прорычал:

— Таня, скажи же мне, пожалуйста, что произошло с тобой... Возможно, в чем-то и я виноват? Скажи же мне... Я тебя прошу, очень прошу...

На этот раз Пяткова решила высказать все то, что мучило ее все эти годы. Она положила руку на плечо мужчины и со слезами на глазах заголосила:

— Я тебя не любила и не люблю... Не лю-би-лааа, никогда-аа... Понимаешь ли это ты, Чубчиков?

Слезы вновь овладели молодой женщиной. Вскоре она успокоилась и принялась обеими руками царапать подол своего подвенечного платья, словно кто-то или что-то под ним ей

сильно мешал. Затем, посмотрев равнодушными глазами на остолбеневшего жениха, она очень четко произнесла:

— Мне не нужны твои хоромы и деньги... Мне нужна любовь к тебе, да и вообще к человеку, которого я потеряла несколько лет назад...

Чубчиков размахнулся и со всей силой ударил по лицу женщины. От мощного удара она сильно вскрикнула и упала на землю. Затем истошно завопила. Долговязый не на шутку испугался и опустился на колени, принялся ее успокаивать. Иногда он поднимал свою голову и руки к небу, словно просил Бога о перевоплощении молодой женщины, которую он любил. Она на его уговоры и мольбу не реагировала. Не реагировала она и на моросящий дождь, который все больше и больше накапывал. Лишь после того, как позади них появилась сплошная стена из множества дождинок, они рванулись в деревню. Мать невесты, увидев дочь, стала снимать с ее головы фату. Загадочно улыбнувшись, она произнесла:

— Танечка, Вас ждет большое счастье... Дождь — хорошая примета...

Никто из молодых на это не прореагировал. Они рванулись в спальню, где на полу лежали пьяные гости, и начали снимать с себя мокрую одежду...

Татьяна Пяткова вошла в квартиру мужа лишь через месяц после их свадьбы. Вошла и очень внимательно осмотрела все комнаты. И тут же вышла. Она все еще находилась на жизненном распутье. Она до сих пор не определилась с мужчиной, который ее сильно любил. Чубчиков все это чувствовал и видел. Он сильно переживал. Его попытка овладеть женщиной в его собственной квартире успехом не увенчалась. Не удавалось это ему сделать и позже. Татьяна всегда находила причины. У нее то сильно болела голова, то она уставала от работы, то у нее были месячные.

Выкрутасы жены все больше и больше сердили Чубчикова. Иногда он срывался. Руки же не распускал. Страх, что он может потерять любимую женщину навсегда, преследовал его днем и ночью. Тревожило его и то, что она напрочь отказывалась зарегистрировать с ним брак. Небольшая бумажка с гербовой печатью в значительной степени могла уменьшить его душевные переживания. Он неоднократно приглашал Татьяну в ЗАГС, его попытки терпели крах. Иногда ему хотелось на все плюнуть и найти другую женщину. В успешном выборе он не сомневался. Он был молод, имел хорошую работу. У него была кооперативная квартира и машина. Себя он относил к касте состоятельных мужчин, что придавало ему здоровый оптимизм. Его бодрое мироощущение тотчас же улетучивалось, едва он видел женщину с каштановыми волосами...

Только через три месяца Пяткова сжалилась и пошла в ЗАГС с нелюбимым мужчиной. Во время свадебного марша Мендельсона Чубчиков прослезился. Он был от счастья на седьмом небе и сразу же повел свою законную жену в небольшой ресторан «Север», он находился в самом центре Васильковки. Его душа необычайно радовалась, когда жена поцеловала его в щеку и осушила бокал шампанского за их любовь. В этот же вечер Татьяна Чубчикова вошла в трехкомнатную квартиру своего мужа. Она вновь осмотрела апартаменты и нежно чмокнула в щеку их владельца. Она до сих пор недооценивала его способности, особенно по хозяйству. Все три комнаты и кухня были мобилированы в духе времени и моды. Особенно ей понравилась спальная комната. Она подошла к гарнитуру, и по-детски хихикнув, опустилась на матрац. И в этот же миг оказалась в сильных руках мужчины. Через многие годы сознательного затворничества она решила сейчас его не обижать. Она медленно опустилась на спину, вытянула в стороны свои руки и широко раздвинула ноги. Через несколько мгновений она почувствовала приятную теплоту мужского члена, который очень нежно и настойчиво проникал в ее влагище...

Татьяна Чубчикова никогда не заводила речи с мужем о будущем потомстве. Не хотела губить жизнь детей от нелюбимого ею мужчины. Иногда за свое страшное кредо она себя сильно корила, даже ненавидела. Она часто наблюдала за мужчинами на работе и в городе.

Они были разные и всякие. Себя она не обманывала. Федор внешне не хуже многих выглядел. По нажитому добру он, наверняка, многих превосходил. Ему было только тридцать лет, он уже имел трехкомнатную квартиру, машину и современную мебель. И заработок у него был на зависть многим. Порою она мужа и жалела. Жалеть его было за что.

Он очень рано потерял родителей, близких родственников у него также не было. Почти все эти годы он жил настоящим отшельником. Страданий он также не избежал, особенно в последнее время. Только из-за нее море нервов испортил, жутко себе представить...

На прием к гинекологу Татьяна пошла по настоятельной просьбе своего мужа. Федор в постели все делал правильно, но почему-то сын, о котором он мечтал, не появлялся. Даже дуракам было известно, что через девять месяцев, как правило, рождались дети. У них же почему-то их не было. От неопределенности он сильно страдал. Нередко прикладывался к спиртному.

Чубчикова на прием к врачу записалась на среду. В этот день в отделе оперативок не проводилось. Каждый занимался по личному плану, перебирал бумаги. Работа была не ахти сложная, да и почти не нервная. Работала она не по специальности. Васильковка не нуждался в историках. Безработная в спешном порядке закончила курсы бухгалтеров. Она подошла к регистратуре, взяла свою медицинскую карточку и неспеша поднялась на второй этаж. Напротив кабинета, он находился в конце коридора, стояла пожилая женщина, она громко стонала и гладила низ живота. Татьяна сделала вид, что ее не заметила, и уверенно постучала в дверь. На стук никто не отозвался. Она еще раз постучала. Опять тишина. Она открыла дверь и вошла в небольшую комнату, которая была перегороджена на две части.

Неожиданно из-за перегородки, обтянутой белой простынью, выбежал мужчина в белом халате. Увидев перед собою женщину, он закатил глаза и истошно прокричал:

— Гражданочка! Разве Вы не видели табло, оно висит прямо перед Вашим носом... — Тяжело вздохнув, он снова громко пробубнил. — Я еще раз повторяю для особо выдающихся... — Красный свет — сидите, зеленый свет — раздевайтесь...

После этих слов мужчина вновь ринулся за перегородку. Чубчикова несколько мгновений стояла как вкопанная, не знала куда себя деть после психической атаки врача. Она развернулась и вышла вон. Конфуз с гинекологом ее сильно обеспокоил. Не так она представляла с ним встречу. В отличие от стонущей женщины, у нее забота была совсем другая. Много воды утекло, как она вставила спираль. И все это время небольшая резинка ее не подводила. Не подводила и во время интимной жизни с нелюбимым мужчиной. Она сильно стиснула зубы. Она все продумала до мелочей, а тут на тебе — прокол...

Она стала прохаживаться по длинному коридору, по которому туда-сюда сновали врачи в белых халатах и пациенты. Хожение в какой-то степени успокоило нервную систему симпатичной женщины. Она вновь подошла к кабинету и облегченно вздохнула. Старухи уже не было, не было и пациентов на прием к врачу. Чубчикова присела на стул и в очередной раз стала прокручивать в своей голове план действий. Через пару минут раздался еле слышный звонок, тотчас же под матовым табло вспыхнула лампочка зеленого цвета...

Татьяна перекрестилась и открыла дверь. Затем вошла в кабинет и робко подошла к столу, за которым сидел уже знакомый ей мужчина, сидел без белой шапочки. На вид ему было лет сорок, сорок пять, не больше. Его лицо было несколько продолговатым, нос был толстый и короткий, словно его обрезали ножом или другим острым предметом. Вошедшая еле слышно поздоровалась и присела на стул, он под ее весом почему-то страшно закрипел. Увидев испуганные глаза молодой красивой женщины, врач слегка усмехнулся и со вздохом произнес:

— Гражданочка, не беспокойтесь, пожалуйста... Нам уже десятый год меняют мебель, в том числе и эти стулья... Время идет — все остается по-старому...

Несколько добродушное расположение мужчины к своей персоне Чубчикову обрадовало. Она широко улыбнулась и тут же поделилась своими бедами. Ее монолог длился минут пять,

не больше. Однако этого ей хватило с лихвой, чтобы дать картину реальной жизни с нелюбимым мужчиной. Потемкин очень внимательно выслушал пациентку. Затем, почесав ладонь левой руки, с явным непониманием произнес:

— Татьяна Петровна... Я после Вашего откровения пришел к далеко неутешительному выводу... Муж пашет как пчелка ради будущего ребенка, а его жена — гидра, ставит ему палки в колеса...

Мужчина внезапно замолчал, его лицо стало очень задумчивым. Неожиданная реакция гинеколога на исповедь Чубчикову сильно встревожила. Она сидела на стуле и по-настоящему дрожала. За ложные диагнозы медик, без всякого сомнения, мог угодить и за решетку. Она вытащила из дамской сумочки носовой платок и старательно вытерла свой потный лоб. Он был страшно горячий. Затем приложила платок к своим глазам. Боялась разрыдаться. Желание выскочить из кабинета то и дело ее преследовало. Вскоре она эту мысль отбросила в сторону. Минутная слабость могла напрочь разрушить все ее планы...

Только поэтому она молчала и, словно сфинкс, внимательно смотрела на мужчину в белом халате. Сейчас он для нее был спаситель и палач, в одном лице. Она с облегчением вздохнула, когда услышала голос не только специалиста, но и мужчины, которому также в жизни не повезло.

— Аналогичная ситуация была и у меня, — с некоторым надрывом он выдавил из себя. — Моя бывшая жена много крови выпила... Сейчас даже страшно подумать, ради чего я жил с этой мразью...

Затем он посмотрел на свои ручные часы и приложил их к уху, хотел убедиться — идут ли они. Слегка покачав головой, очень спокойно произнес:

— Сейчас у меня обед, приходите через час, не раньше... К этому времени документы будут готовы...

Чубчикова неспеша вышла из поликлиники и с облегчением вздохнула. Все шло по плану. Иван Семенович, так звали гинеколога, без всяких обиняков взял бумажный пакет, в котором были две бутылки пятизвездочного коньяка и коробка шоколадных конфет. Он с улыбкой принял подарок и поцеловал руку очаровательной женщины. Пациентка от неожиданного внимания к себе слегка покраснела. Она уже не сомневалась, что она околдовала холостяка. Оставалось только ждать. Ровно в пятнадцать часов она уверенно постучала в дверь кабинета, и стуча каблуками своих черных туфель, так же уверенно присела на стул, он сейчас почему-то не скрипел. Она сделала несколько вращательных движений своим тазом и улыбнулась. Сомнений не было. Сиденье поменяли. Она вновь улыбнулась и внимательно посмотрела на мужчину, сидевшего напротив. Ее сердце радостно екнуло. Потемкин горел, а может даже и пылал огромным желанием помочь ее горю. Его глаза были такими томными и излучали столько тепла, что ей казалось, что у Ивана Семеновича сейчас не гинекологический кабинет, а большой гарем, набитый женщинами, и он не евнух, а покоритель женских сердец. Основательно разглядывать врача пациентка не стала, ей стало неловко. Она слегка опустила голову вниз и принялась несколько дрожащими руками гладить свою дамскую сумочку.

— Татьяна Петровна, будьте добры, идите за перегородку и разденьтесь. — раздался знакомый мужской голос. Он был не столько повелительным, сколько умоляющим.

Пациентка от неожиданности слегка вздрогнула. Она никогда не думала, что ей придется раздеваться. В ее планах подобное стояло на последнем месте, лишь в самом крайнем случае. Она с некоторой искоркой недоверия и отчасти от страха посмотрела на мужчину, улыбнулась. Противиться не стала. Она зашла за перегородку и неспеша сняла с себя белую кофточку и короткую юбку черного цвета. Затем плавки. Одежду положила на кушетку. Потом с неохотой опустилась на гинекологическое кресло и закрыла глаза. Она и сама еще не знала, почему именно сейчас ей было неудобно предстать нагой перед этим очень обходительным мужчиной. В ее очень короткой жизни их было около двух десятков. И все они, за редким исключением,

ей нравились. Нравились потому, что они приносили ей неслыханное удовольствие. Сейчас же она оказалась в этом кабинете только из-за своего мужа, который хотел иметь своих детей. Она не хотела, даже об них и не помышляла...

Внезапно кресло, в котором пациентка сидела, несколько задержалось и стало опускаться. Татьяна сжала кулаки. Во время аборта ей было так больно, что она по-дикуму кричала. От ожидания предстоящей боли она сжалась в единый комок и несколько подала свою нижнюю часть тела вперед. И тотчас же вместо кулака или металлического расширителя она почувствовала мужской член. Он был настолько теплый и нежный, что она невольно вскрикнула. От приятного ощущения она открыла глаза и ее лицо засветилось неподдельной радостью. Потемкин, в чем его мать родила, стоял перед нею и очень умело делал легкие поступательные движения то вперед, то назад. Нагая все больше и больше впадала в сладкую истому...

Убийственный диагноз гинеколога о неспособности жены рожать детей наповал убил Чубчикова. Он почти неделю ходил словно помешанный. Он также не ел и не пил. В конце концов он успокоился. Окончательно и бесповоротно. Ему не было суждено иметь своего сына. Только с ним он строил будущее своей семьи, не только безоблачное, но и с большими деньгами...

Дальнейшая жизнь вообще у Чубчиковых расстроилась. Не проходило и дня, чтобы они не спорили. Доходило до рукоприкладства. Ненависть жены к мужу была нечеловеческой. Она, как иногда ему казалось, специально его провоцировала, создавала конфликтные ситуации. Нередко вызывала и милицию. Стражи порядка врываются в квартиру, и увидев слезы на глазах молодой женщины, тут же скручивали хозяина. Он не сопротивлялся, было бесполезно и бессмысленно. Татьяна без всякого стеснения раздевалась догола и показывала работникам административно-исполнительных органов свои синяки или подбитый глаз.

Неоднократные попытки Чубчикова найти ключик к семейному счастью, как правило, с треском проваливались. Шли месяцы, годы. Изменений к лучшему не было и не предвиделось. Он все больше и больше приходил к однозначному выводу: пора ставить точку всем склокам и семейным неурядицам. Он подал на развод.

Заседание суда прошло без каких-либо осложнений. Судья, очень молодая женщина спокойно и монотонно зачитала решение о разводе. Все на этом и закончилось. Никто из бывших супругов не плакал, не было и взаимных обвинений. Лишь после того, как они вышли из здания суда, Татьяна прошипела:

— И зачем я, дура ненабитая, с этим долговязым все эти годы мыкалась...

Чубчиков на реплику не ответил. Он только сжал зубы и ускорил шаг. Через две недели пришло решение о разводе. Уже бывшие супруги продолжали жить в одной квартире. Каждый знал, что вопрос о разделе имущества все равно когда-то встанет. Знали, но схватку не начинали, хотя об этом исподволь разговоры вели. Чубчиков, как владелец жилья, считал, что его бывшая жена должна уйти из его квартиры. Она ни копейки за нее не платила. Откупную он все-таки ей делал, отдавал свою машину. Пяткова предложение бывшего мужа встретила в штыки. Ему она отдавала машину, себе требовала квартиру. У сожителей возникла потасовка.

Наступила осень. В отличие от многих прошлых она была очень дождливой. Шабашка у Чубчикова не шла. Заказчики предпочитали строить гаражи и фазенды в солнечную погоду. Он днями просиживал дома. От ничегонеделания его спасал телевизор. Радовало его и отсутствие бывшей жены. После развода она редко появлялась, где-то пропадала. В том, что у нее есть любовник, Федор не сомневался. Следить за ней или за ее любовником, желания у него не было. Он и сам подумывал о другой женщине, с которой хотел иметь детей и счастливое будущее. Однако он не торопился. Хотел, как можно скорее, разрешить вопрос о разделе имущества и с уже развязанными руками искать новую спутницу жизни. Требовалось время и больше ничего...

Пяткова появлялась очень редко, как правило, в конце месяца. Приходила и требовала денег на свое проживание. Чубчиков сначала не давал, ссылаясь на проблемы с заказчиками. Она грозилась выброститься из окна или позвонить в милицию. Ни того, ни другого он не хотел. Его желание в стократ усиливалось, когда любимая женщина заходила в спальню и раздевалась догола. Мужчина сначала разглядывал красивую женщину через замочную скважину, затем стучал в дверь, ссылаясь на то, что в спальне он забыл книгу или потерял подтяжки от брюк. Получив разрешение, он забирал необходимую вещь и мимоходом бросал взгляд на нагую. Она, уловив огоньки на глазах долговязого, еще шире раздвигала свои ноги и начинала в его присутствии мастурбировать. Чубчиков пару раз выстоял от «напасти». Потом сдался. Во время одного из подобных трюков нагая накинулась на него и с бешеной силой привлекла его к себе. Затем повалила его на кровать, и задыхаясь от страсти, тихо прошептала:

— Федя, я всегда буду твоей, если ты меня захочешь... — Оказавшись верхом на мужчине, «всадница» продолжила. — Только за американские доллары...

О чем говорила или просила его красивая шатенка, хозяин «кооперативки» не вникал и не понимал. Ему было не до ума, не говоря уже о каких-либо земных проблемах. Затворничество дало о себе знать...

После секса Чубчиков невольно впадал в раздумье, почему его бывшая жена ударилась в иностранную валюту. Она была далеко неглупая женщина. «Американки» или «зеленые» все больше и больше расплозились по огромной стране. Лично он сам мало интересовался металлическими и бумажными знаками других стран. Особенно сейчас, когда его доходы с каждым днем падали. Бедствовал не он один, нищали десятки миллионов жителей страны под названием СССР. Его надежды, что придут хорошие времена, и он найдет богатых заказчиков, испарялись с каждым днем. Вскоре он оказался без работы. Тут же разбежались и его шабашники. Федор сильно переживал, но духом не упал. Квартира у него была, машина также. Не было жены, зато была проститутка. И это в какой-то мере его радовало. Оставалось дело за деньгами. Она стал заниматься извозом. Доход был небольшой, но этого хватало для редкого секса.

Пяткова в прямом смысле сходила с ума от «американок». Она почти каждое утро звонила на квартиру Чубчикова и интересовалась наличием у него валюты. Потом назначала ему встречу. Спонсор покупал доллары у подозрительных типов, шнырявших по вокзалу или на рынках. Страшно боялся, что его «прокатят». К его счастью, все обходилось...

Приближался Новый год. Чубчиков намеревался встречать праздник в гордом одиночестве. Пяткова своему бывшему мужу позвонила ровно в полдень и страшно обрадовалась, что его не оказалось дома. Ей это было только на руку. Именно сегодня она хотела окончательно расквитаться с долговязым, который оставил ее не только без копейки, но и не научил настоящему сексу. Другое дело — Павел, ее очередной избранник. Он был не только предстательный, но и настоящий половой гигант. Пяткова за свою жизнь со многими переспала. Спала с молодыми и со стариками, с кудрявыми и лысыми, но лучше его не было. Бывший милиционер во время секса выжимал из нее все, до последней капельки. Не занимать у него было и искусства целоваться. Он делал такие засосы на ее губах, что в отдельные дни она не могла идти домой. На грудях или на других участках ее тела Кархин этого не делал. Знал, что через пару часов его любовница ляжет в постель к своему мужу. Возникнут проблемы...

Пяткова вошла в подъезд и почти на цыпочках поднялась по лестнице на третий этаж. Затаив дыхание, осторожно нажала на кнопку звонка. За дверью было тихо. Позвонила еще раз, на этот раз сильно и уверенно. Опять тишина. Ключом открыла дверь, ринулась в спальню. Быстро разделась догола и плюхнулась в постель. От внезапно нахлынувшего волнения ее руки предательски дрожали. Они и вчера дрожали, когда она вместе с Кархиным в его небольшой комнатке составляла план «Барбаросса» — насильственное изъятие квартиры у бывшего мужа.

Чубчиков появился дома под вечер. Он неспеша открыл дверь и направился на кухню, к холодильнику. Положил в него небольшой кусок мяса, две пачкипельменей и другую всячину,

он купил ее для праздничного стола. Затем вошел в спальню и обомлел. В постели сидела его бывшая супруга, и едва он обратил на нее взор, как она тут же стала рыдать. Она так громко плакала, что у него от страха прошиб пот. Он подбежал к кровати и ужаснулся. Лицо нагой женщины было в крови, в крови была и белоснежная подушка. Она истошно кричала:

— Люди добрые, помогите, помогите... Ой-ой, помогите, он ведь же меня убивает... Помогите, лю-ю-ю-ди доб-ры-еее.... Спасите ме-е-ня-я-я

Почему бывшая жена сильно вопила и просила людей о помощи, и кто ее хотел убить, Чубчиков все еще не понимал. Он не только ничего не понимал, но и ничем не мог помочь окровавленной женщине. Она на его обращения не реагировала. Она беспрестанно вопила и шлепала себя руками то по лицу, то по голове, а то и по своим ягодицам...

Неожиданно раздался звонок. Чубчиков рванулся к телефону и поднял трубку. Шли протяжные гудки. Звонок раздался вновь. Он подошел к двери, затем ее открыл. В сей же миг перед ним вырос милиционер с дубинкой в руке, позади его стояли два мощных амбала в милицейской форме. Хозяин квартиры, увидев стражей порядка, с недоумением выдавил из себя:

— Я Вас сегодня не вызвал, товарищи...

Дальше все происходило как в настоящем кинобоевике. Один из милиционеров набросился на остолбеневшего долговязого мужчину и попытался завернуть ему руку. Не удалось. Чубчиков ловко вывернулся и побежал на кухню, закрыть дверь на щеколду не успел. Через несколько мгновений его спину и плечевой сустав пронзила страшная боль. Он дико вскрикнул, присел. Ему тут же скрутили руки и набросили наручники. Затем насильно усадили на стул, поближе к кровати, в которой все еще ойкала его бывшая жена. Чубчиков, окруженный милиционерами, все больше и больше пытался осмыслить происходящее в его квартире. Силился, но опять ничего не понимал. Он лишь изредка бросал свой взгляд то на заплаканную женщину, то на улыбающихся блюстителей порядка.

Минут через пять в дверь громко постучали. Вошедшая женщина, она была в белом халате, сразу же бросилась к потерпевшей. С полными ужаса глазами, она ее осмотрела. Результаты стала записывать в толстую тетрадь. На кое-то время Чубчиков оказался вне милицейского контроля. Он ринулся на балкон. В сей миг в его голове появилась мысль о самоубийстве. Он сделал шаг вперед и посмотрел вниз. До земли было не слишком близко. Быть инвалидом в расцвете лет ему не хотелось. Он тяжело вздохнул и вновь вошел в комнату, покорно сел на стул...

Федор Чубчиков встретил Новый год не в собственной квартире, а в рабочем общежитии. Милиционеры посадили его в УАЗ и привезли сюда, в комнатенку, в четыре квадратных метра. По дороге его строго предупредили о невыезде из города. Обещали также скоро во всем разобраться.

Только через три дня в комнату постучал какой-то тип и в приказном порядке попросил Чубчикова явиться в районный отдел милиции. Принял его молодой лейтенант, недавний выпускник школы милиции. Свидетельством этому была его новая форма одежды и скрипучие сапоги. Он открыл металлический сейф, вытащил небольшую папочку. Затем ее раскрыл и стал вслух читать. От услышанного у Федора защемило сердце. Во всех смертных грехах бывшая жена винила только его. Он что-то пробубнил себе под нос. Следовательно, видя, что его подопечный чем-то недоволен, в один миг преобразился. Он нехотя приподнялся из кресла и стукнул кулаком по столу так сильно, что авторучка, лежавшая на нем, тотчас же оказалась на полу. Из рта офицера раздался душераздирающий крик:

— Товарищ Чубчиков! В этом заведении я начальник и никто иной... Если хотите подавать на суд — подавайте... Однако Вам не поздоровится... Это я точно говорю...

Посетитель по принуждению решил не сдаваться. Он приподнялся с деревянной табуретки, сжал кулаки и со страхом произнес:

— Товарищ лейтенант... Почему Вы, мне простому советскому человеку, угрожаете? На каком основании я должен отдавать свою трехкомнатную квартиру чужой женищне? Я ее своим горбом зара...

Чубчиков внезапно поперхнулся. Сказывалось волнение. Он впервые в жизни так смело разговаривал с милиционером. Раньше он милицию обходил стороной, сейчас же его прорвало. Он говорил и говорил...

Следователь без явного желания слушал монолог долговязого мужчины. Иногда он кривил рот, тем самым выражал презрение к стоявшему. Нередко и усмехался. Ему было противно не только слушать, но и видеть тошнотика, который почти по полочкам раскладывал успехи и падения в своей жизни. Вскоре «спектакль» офицеру надоел. Он нажал на кнопку под столом. Открылась дверь и появился дежурный милиционер. Он схватил долговязого мужчину за шиворот и с силой потащил его из кабинета. Чубчиков не сопротивлялся, у него до сих пор ныла спина и плечо от дубинки. «Отведал» он ее в собственной квартире.

Следователь, скорее всего, боясь за непредсказуемые действия подчиненного, вдогонку ему крикнул:

— Потехин, ты там осторожнее... Я не хочу сидеть на нарах из-за твоей тупости...

Чубчиков указания следственного работника пропустил мимо своих ушей. Ему было не до этого. Он все еще не отошел от нервного шока, почему молодой офицер, облеченный властью, не дал ему по-настоящему объясниться. Вскоре его завели в комнату, единственное небольшое окно в ней было зарешечено. Чубчиков в почти кромешной тьме неуверенно сделал пару шагов вперед, остановился. И тут же все его тело пронзила острая боль. Он медленно присел и упал лицом на бетонный пол...

Пришел он в сознание глубокой ночью. Открыл глаза и сделал попытку приподняться. Не получилось. Левая рука страшно горела. Он хотел пить — закричал. Никто не отзывался. Он все кричал и кричал. Полнейшая тишина. Рано утром в его камеру зашел милиционер. Чубчиков попросил воды, ему принесли. Дали возможность сходить в туалет. Ровно в десять часов утра его вновь привели в знакомый кабинет. Лейтенант открыл папочку, и взглянув на заросшего мужчину, вежливо спросил:

— Федор Иванович, Вам снова зачитывать или Вы так все подпишите?

Чубчиков молча кивнул головой и взял в руку авторучку. Затем размашисто расписался. Спорить или что-либо доказывать в этих заведениях было бесполезно... Через полгода он уехал в Сибирь, в город Омск.

В переселенческом лагере Брамше немецкой земли Нижняя Саксония Федор Чубчиков со своей супругой пробыл сравнительно недолго. Несмотря на это, он успел прилично понервничать. Причиной этому было неординарное поведение жены, ее словно подменили. Едва они вышли из самолета, некогда милое лицо женщины стало суровым и надменным. Она то и дело косила взгляд на долговязого мужчину, он делал все не так, как ей хотелось. Он неправильно произносил слова по-немецки, медленно ставил чемодан в багажное отделение автобуса или не пропустил впереди себя старушку возле парковочной площадки. Мужчина на критику женщины не огрызался. Начинать разборки в присутствии множества людей считал занятием неприличным. К вечеру им предоставили небольшую комнату, где стоял платяной шкаф и двухъярусная кровать. После сытного ужина переселенцы сразу же пошли отдыхать. Сказалась не только нервная обстановка, но и две бессонные ночи на сибирской земле. К удивлению, Чубчикова отъезд получился сумбурным. Друзья и знакомые Регины обмывали их «отплытие» за бугор до самого отхода поезда. В срочном порядке взяли такси. Не опоздали. От Омска до Новосибирска супруги несколько раз бегали в туалет, страшно болели желудки. В аэропорту Толмачево немного отпустило...

Через два дня Чубчиков и Шнайдер попали в «рассадник», так кое-кто из немцев из бывшего Советского Союза называл небольшое здание, где распределяли по землям Германии.

Бывшие сибиряки вошли в кабинет и подошли к столу, за которым сидела пожилая женщина с большой копной седых волос. Чубчиков, едва закрыл за собою дверь, немного струхнул. Госпожа Полонска, как ему казалось, к числу коренных немцев не относилась. Вскоре его предположения полностью подтвердились. Вошедшие, не дождавшись приглашения, осторожно присели. Затем преданными глазами уставились на ту, которая определяла их судьбу в этой стране. «Богиня» явно не спешила осчастливить «руссаков» своим взглядом. Она с серьезным выражением лица читала бумаги, лежавшие перед нею. Установилась мертвая тишина. Супруги почти не дышали, боялись помешать работе начальницы. Федор от волнения кусал губы. Он боялся не только за свою национальность, но и за свою фамилию. Ее в России мало кто с первого раза правильно произносил, здесь — туши свет. С фамилией ему не повезло с самого начала, во время оформления документов. При заполнении антрага сотрудница кооператива неправильно перевела его фамилию. Через полгода он вновь досылал бумаги в Кельн. Он потратил на это не только много нервов, но и денег.

Госпожа Полонска неспеша подняла голову и положила несколько бумажек перед собою. Затем надела на свой длинный нос очки и приблизила к своим глазам небольшой лист бумаги. Оскалив зубы, зачитала первую фамилию. Затем внимательно посмотрела на женщину-переселенку, которая, привстав со стула, утвердительно кивнула головой. Прочитать фамилию художавого мужчины с первой попытки ей не удалось. Не удалось и со второй. Чубчиков смотрел на «неуча» и слегка крутил головой по сторонам. Седовласая произнесла фамилию в третий раз, и увидев недоуменное лицо русского, мгновенно вспыхнула. Ее тонкие губы неестественно задергались, глаза налились кровью, на лбу появились капельки пота. Чубчиков, увидев разгневанное лицо шахини, впал в состояние шока. Пальцы на его левой руке стали недвижимыми, словно длительное время побывали на большом морозе. Он невольно икнул, и набрав в свои легкие воздуха, привстал со стула и сделал шаг в сторону стола. И в этот же миг очутился вновь на своем прежнем месте. Регина, его жена мгновенно схватила его за руку и насильно пригвоздила его к стулу. Супруги, словно по команде, посмотрели друг на друга и почти одновременно перевели дух.

От несостоявшегося «подвига» Чубчиков кисло улыбнулся. Он куда хуже владел немецким языком, чем его жена. Шнайдер первой нашла выход из неординарной ситуации. Она привстала, и сделав улыбку до самых ушей, по слогам произнесла фамилию своего мужа. Ее примеру последовала и госпожа Полонска, правда, она сделала это с большим акцентом. На этот раз обладатель очень сложной фамилии каких-либо физических движений не делал, не говоря уже о попытке раскрыть свой рот. Он сидел с олимпийским спокойствием. Спокойствие он сохранял и чуть позже, когда госпожа Полонска предложила ему взять фамилию его жены. Чубчиков, прекрасно знал, что с русской фамилией в Германии у него будет куда больше проблем, чем здесь, в этом кабинете. Он слегка покачал головой из стороны в сторону. Затем посмотрел на жену и криво усмехнулся. Начальница пространное объяснение переселенки оставила без комментариев. Она слегка постучала карандашом по столу и кисло улыбнулась.

Супруги с облегчением вздохнули, но ненадолго. Полонска вновь опустила голову в бумаги и тотчас же ее подняла. Поинтересовалась вероисповеданием приехавших. Регина Шнайдер с этим вопросом справилась без особого труда. Она четко ответила по-немецки, что ее родители были евангелистами. Чубчиков же опять оказался в патовой ситуации. В его родной деревне Старинке какой-либо церкви не было. В Омске он также в церковь не ходил, хотя мимо нее проходил почти каждый день. Да и зачем туда ходить, безгрешному? Иное дело у чиновников. Он частенько их видел у главного входа в Божий храм, особенно зимой. Они вчера были атеистами и ловили верующих, садили их в каталажки. Сейчас же совершали челобитье на крепком морозе за прошлое богохульство.

Наступила очередь и для Чубчикова держать ответ перед Богом. Он тихо хмыкнул и очень медленно приподнялся со стула. Готового ответа в его голове все еще не было. Он сильно

покраснел и что-то стал бубунить себе под нос. Полонска от недоумения вытянула шею и слегка закатила свои глаза. Не понимала его и жена, с которой он прожил три года. Немецкие власти считали этот срок вполне разумным и приемлемым для доказательства супружеской верности. И на этот раз Чубчикову удалось сухим выйти из воды. Его жена подошла к столу, и взглянув на супруга, который был красный как рак, презрительно махнула рукой в его сторону и по-немецки произнесла:

— Пишите, мой муж по вероисповеданию евангелист... Русские почти все ортодоксы... Я об этом точно знаю...

Полонска с благодарностью посмотрела на симпатичную женщину и утвердительно кивнула головой. Затем пристально посмотрела на живой источник стрессовых ситуаций. Он сидел смиренно и с угодливо-покорным выражением лица заглядывал в рот начальницы. Душа Федора Чубчикова ликовала. Он уже нисколько не сомневался, что из Германии его не выгонят. Будь он красный или белый, верующий или безбожник...

«Допрос» продолжился. Начальница спросила переселенцев, на какой земле они желают начать свою жизнь заново. Вопрос был неожиданным, даже в некоторой степени и наивный. При оформлении документов они просились в Баварию, где жила одна из подруг Регины. Не пустили. Через три года уже их приглашала одна из северных земель. Сейчас опять изменения. Супруги зашушукались. Предложение мужа обосновать в Берлине, жена начисто отмела. Земли восточной Германии она отметала еще в Сибири, когда ждали вызова. Считала эту часть страны не только тоталитарной, но и нищей. Затянувшиеся переговоры русских все больше и больше выводили из себя Петру Полонскую, бывшую жительницу Варшавы. Она невольно вспомнила своего деда. Он часто ругал русских, называл их свиньями и оккупантами. И сейчас, когда она почти двадцать лет жила в Германии, она продолжала презирать этот народ. Почему она ненавидела русских, бывшая пани и сама не понимала. Ненавидела она и эту парочку, которая довольно долго определяла себе место жительства.

В конце концов ее терпение лопнуло. Она встала из-за стола и подошла к политической карте. Затем, ткнув пальцем в столицу страны, со злой насмешкой прошипела:

— Здесь Вас ждет безработица и нищета... — Повела рукой на юг, положила пятерню на прозрачную бумагу, и сделав театральный жест, в том же духе продолжила. — В Баварии люди значительно лучше живут, чем в восточных землях...

Регина Шнайдер, едва «переварив» стратегический замысел начальницы, неожиданно громко спросила:

— Госпожа Полонска, а можно нам ехать в город Карлсруэ? Там живет моя двоюродная тетя Берга...

Полячка, откровенно говоря, такого вопроса от переселенки, родившейся в небольшой русской деревне Красноуховка, не ожидала. Она уже давно наметила ей и ее долговязому мужу небольшой город Акен, неподалеку от Магдебурга. Сделав недовольное выражение лица, она стала в прямом смысле маршировать по небольшому кабинету. Семейная чета из Сибири не на шутку занервничала. Особенно сильно переживала супруга. Она то и дело кусала свои губы, сжимала кулаки. Муж же, наоборот, был спокоен, даже чересчур. Его спокойствие во многом определялось незнанием немецкого языка. Просить жену о переводе было не только бессмысленно, но и опасно. Он еще по омской земле познал ее своенравный характер. О том, что сейчас речь идет об их распределении на Земле, он больше догадывался, чем понимал. В этом плане сомнений у него не было. Бывшая пани зашлет их туда, где Макар телят не пас...

Решение госпожи Полонски о направлении их на юг Германии бывшие омичи встретили с улыбкой. Несмотря на то, что они раньше об этой земле вообще ничего не слышали. Близкие родственники Регины осели в бывшей социалистической Германии. Они часто ей писали и звонили. И все в один голос жаловались на свое почти бедное и бесправное положение. Работы, как таковой, не было. Многие местные немцы заколачивали окна домов, закрывали квартиры

и давали деру на запад. Искали себе нишу для выживания. У Шнайдер от радости выступили слезы. Чубчиков же сохранял олимпийское спокойствие. Едва он закрыл за собою дверь кабинета, сразу же рванулся к небольшому киоску, в двух шагах от столовой. Купил десять бутылок ганноверского пива «Edel-Pils». В небольшой комнате до полуночи горел свет. Бывшая воспитательница детского сада и бывший безработный России с наслаждением потягивали прохладный напиток и строили поистине наполеоновские планы на будущее.

Районный центр Беблинген, расположенный в двадцати километрах от города Штутгарта, столицы земли Баден-Вюртемберг, переселенцам очень понравился. Небольшой город очаровал их не только своей тишиной, но и цветами. Они были везде: на балконах у жителей, их посадки были на вокзале и на автобусных остановках. Супруги почти каждый вечер гуляли по улицам. Наслаждались не только запахом цветов, но и глазели на множество магазинчиков и забегаловок, где можно было что-то купить или перекусить.

Полноправным гражданином ФРГ Регина Шнайдер стала через месяц — получила паспорт. Ее мужу с первой попытки получить ауйсвайс не удалось. Виною этому явилась его фамилия. Госпожа Полонска при заполнении документов допустила ошибку. Вместо Чубчиков написала Чубков. Власти сразу же к этому придрались. Мольба переселенца исправить фамилию в его живом присутствии на пожилого чиновника не подействовала. Не подействовала на него и его трудовая книжка. Этот документ Федор берег как зеницу ока. В аэропорту Толмачево среди переселенцев витали настойчивые слухи, что таможенники небольшие книжечки конфискуют, считая их собственностью государства. Супруги сильно испугались. Стали искать варианты, как лучше спрятать свои «трудовые годы». Определились. Положили на дно своих туфель. Сняли обувь только в Ганновере, когда ехали в автобусе по городу.

Через три месяца Чубчикова «пригласили» за его настоящей фамилией. Он с благодарностью принял из рук чиновника небольшой листок бумаги, где черным по белому было написано, что вместо некогда фамилии Чубков он на законных основаниях имеет право носить свою новую фамилию Чубчиков. За бумажку он отдал двадцать пять марок. Оплатил работу контор, которые перепроверяли его родословную.

Незаметно прошел год. Переселенцы из Омска за это время многое сделали. Они окончили шпрахкурсы, сняли квартиру. Чубчиков первым нашел себе работу. Небольшое объявление в местной городской газете, что фирма приглашает на работу сторожа, он прочитал совершенно случайно, уже перед самым окончанием шпрахкурсов. Недолго думая, написал заявление. И об это нисколько не сожалел. О престижной должности он не мечтал. Он уже был старый, до полувека ему не хватало двух лет. Были проблемы у него и с немецким языком. Он также не забывал, что он русский, да еще со сложной фамилией. Регина решение мужа одобрила. Сама она еще не работала. Через неделю пришел ответ, Чубчикова приглашали на собеседование. Руководитель фирмы господин Шальке с большим вниманием пробежал глазами два стандартных листа белой бумаги, на которых было написано заявление нанимателя и несколько строк из его трудовой книжки. За душой Чубчикова больше и на самом деле ничего не было. Пустым был и его кошелек, карманную сумочку для денег он вообще не носил. Из большой страны он приехал абсолютно нищим. Приехал без копейки, не говоря уже о тысячах долларов. Последние десять «американок» и сто рублей с мелочью он отдал таможеннику в аэропорту Пулково, он признал у него перевес багажа. Вместо «законных» двадцатипяти вез на полтора килограмма больше. В небольшом чемодане также было два томика великого русского поэта Александра Пушкина, его стихи он безумно любил...

Собеседование было непродолжительным, без больших формальностей. Простота начальника подкупала приглашенного. Восхищался русским и немец. Он очень внимательно вглядывался в физиономию кандидата в сторожа, хотел как можно больше узнать его подноготную. Лично для него, да и для многих немцев, Россия, не говоря уже о суровой Сибири, всегда была загадочной страной. Особенно ее жители. Вальтер еще в школе увлекался историей

этой страны. Он и до сих пор не понимал, как удалось Гитлеру за дюжину недель подойти к Москве, изгоняли же его — годы. Школьник учителю подобные вопросы он не задавал, боялся. Скорее всего, подобное делать было и бессмысленно. В истории Германии об этом периоде вообще очень мало написано. Чем больше он интересовался жизнью чужака, тем больше он его подкупал. Чем — он и сам не понимал.

Возможно, чисто русской физиономией или очень сложной фамилией, а может и настойчивым желанием работать. Голубые глаза долговязого мужчины вызывали у него порою чувство жалости и сострадания. Ему было уже за сорок, и он безропотно опускался на дно общества. Становился нищим. И это маленького чиновника сильно поражало. До прихода русского у него на собеседовании побывало пять человек. Три немца, все молодые ребята наотрез отказались от предложенных условий работы. Их ни только не устраивала мизерная зарплата, но и график работы. Мало того. Один из них вытащил из кармана небольшую вырезку из журнала и зачитал, что ночь способствует развитию в человеческом организме раковых клеток. Шальке ничего юноше не сказал. Молодежи нужны деньги, женщины, а не всеношное бдение через дрему...

Шальке договор прочитал вслух, кое-что показал на пальцах, даже помахал руками. Рассказывал, как надо действовать при нападении на охраняемый объект. Иногда в прямом смысле впивался глазами в физиономию сидящего. В умозаключениях он не ошибался. Долговязый не всегда понимал значение тех или иных слов, да и целых предложений. Несмотря на это, русский кивал головой или заразительно смеялся. С улыбкой он подписал договор. С улыбкой покинул он и бюро, держа в руках целлофановый мешок, в котором было два комплекта специальной одежды...

Регина Шнайдер обрадовалась, что ее муж подписал договор и уже завтра будет работать. На каком объекте — не знал. По случаю удачи одежду мужа, в комплект входили пиджак и брюки серого цвета, а также белая рубашка с черным галстуком, она погладила сама. До этого стирка и глажка собственного белья и одежды лежала его на плечах. Сейчас сделала исключение. Сделала исключение и ночью. Она была куда теплее и ласковее к кормильцу, чем раньше. Не замечала она и его запах, который днем и ночью испускался из его подмышек. Федор мгновенно реагировал на замечания жены — все было бесполезно. Специфический запах не могли изгнать ни русский «Тройной одеколон», ни немецкие дезодоранты, не говоря уже о мыле или мочалке. В эту ночь, как ей казалось, запахи вообще исчезли. Едва муж повернулся на бок, и поджав ноги под себя, захрапел, Регина впала в раздумья...

Она в своей жизни звезд с неба не хватала. Рано умершие родители единственной дочери ничего не оставили. После окончания педагогического училища работала учительницей в сельской школе, потом подалась в город. Устроилась воспитательницей в детском садике. Буквально через неделю познакомилась с молодым парнем, на танцплощадке в городском парке. Юра работал на авиационном заводе, полюбил ее с первого взгляда. Поженились. Сначала жили у его родителей, потом снимали комнату у одной пожилой пары. Ушли от предков вынужденно. Свекор и свекровь оказались пьяницами, пропивали все, что имелось в доме. Вскоре у молодых родилась дочь, требовалась большая жилплощадь. Они пошли в профсоюзный комитет, к директору. Им дали две комнаты в семейном общежитии. Через год стала работать и Регина, семейный бюджет значительно увеличился. Купили трехкомнатную квартиру, затем машину — старенький «Москвич». После этого мужа словно подменили. С работы он возвращался поздно, иногда за полночь. Жене объяснял, что план по заготовкам горел. Она верила ему месяц, два, три... В конце концов ее терпение лопнуло. Позвонила его другу. Он был в недоумении. В цехе по ночам никто не работал, да и с планом все было в порядке. Через год Юрка ушел к другой женщине...

Регине Шнайдер было уже за сорок, когда в ее жизни появился Федор Чубчиков. Никто не скрывал, что брак между ними был по расчету. Он хотел уехать за бугор, ей нужны были деньги

для жизни. Домашнее хозяйство лежало также на плечах мужчины. Он, несмотря на бешеные скачки цен, выкручивался. Основной работы не имел, но делал деньги почти из ничего. Его коммерческая струнка российской немке очень импонировала. Ей нравилось и то, что он никогда не скулил, даже в трудные минуты...

Свою первую ночную смену на исторической родине предков своей жены Чубчиков проработал на стройке, воздвигался большой универмаг. Он бдил за наружным забором из проволоки и периодически заходил в здание, где велись отделочные работы. Большую часть времени он находился в сторожевом вагончике. Здесь было почти все необходимое для человеческой жизни: столик, радио, журналы. Указания по несению службы новенький получил лично от шефа, который привез его на служебной машине. Как и раньше, русский с улыбкой слушал и утвердительно кивал головой. Хотя и не отрицал, что кое-что из ценных указаний не понимал. Шальке говорил на швабском диалекте, что для Чубчикова означало ничто иное как очередной иностранный язык. У шефа проскальзывали слова и на литературном немецком, но очень редко. Диалект начальника подчиненного не беспокоил. Главное — во время службы не спать и не употреблять спиртные напитки. Общемировые проблемы сторожей Чубчикову были по одному месту. Он не злоупотреблял спиртным, ни раньше, ни сейчас. Считал, что «пьяная кампания» под эгидой КПСС была только на пользу алкашам. И в этой стране он также вел трезвый образ жизни. Первую ночь он добросовестно бдил, перекрыл все «нормативы». Вместо трех заходов в универмаг, как рекомендовал ему шеф, он сделал целых пять. Вместо двух кругов по периметру забора, сделал три.

Он не заметил, как наступил рассвет и пришло очередное утро. После ночной смены Чубчиков спал очень плохо. Сон к нему не шел, словно специально. Он довольно часто просыпался, несмотря на абсолютную тишину в спальне. Регина не только ходила по квартире на цыпочках, но и вынесла на крыльцо телефон. Боялась разбудить мужа. В час дня Чубчиков встал, и слегка шатаясь, сказывалось недосыпание, пошел под душ. Немного полегчало. Пообедал. Через два часа он вновь был начеку. Взял сумку с продуктами, чмокнул в щечку жену и побежал на автобусную остановку. До начала работы оставалось тридцать минут...

Первая трудовая неделя для начинающего сторожа прошла незаметно, даже очень быстро. Он постепенно привыкал к совершенно новому стилю жизни. Он и на самом деле был таковым. Сотни, тысячи горожан вечером ехали домой, чтобы отдохнуть от дневной смены. Он же ехал на свою новостройку, работал. Нечеловеческая жизнь или «все наоборот», так он говорил жене о своей работе, все больше и больше его затягивала в свою трясиину. Чубчиков часто по ночам рассуждал о своей работе, да и вообще о жизни. Чем больше он рассуждал, тем меньше сомневался в правильности своего выбора. Для перекалфикации нужны были деньги и немалые. У него и у его жены таких денег не было. Его тревожило и другое. С немецким он хромал на обе ноги. Найти хорошую работу без приличного знания языка было невозможно. После обхода он садился за учебник и настойчиво учил грамматику. Утром напрягал мозги, хотел кое-что вспомнить о ранее прочитанном. Не всегда удавалось. Чем больше он зубрил язык, тем больше приходил к однозначному выводу. Ночь — не для серьезной науки. Разумные люди в эту пору спокойно спали, работали ли же — дураки...

Апатия к ночному бдению уходила в середине месяца, когда Чубчикова получал заработную плату. У новичка она была не ахти большая, но для начала это его вполне устраивало. Весомый довесок к семейному бюджету вносила и Регина, она работала «по-черному» у двух престарелых немков. Убирала квартиры или стирала.

Через полгода у русского истек испытательный срок, и он «вышел» в люди. Он давно мечтал о бессрочной и постоянной работе, а не рыскать по десяткам объектов. «Постоянкой» оказался научно-исследовательский центр автомобильной промышленности. Находился он в небольшой деревне Ротхаузен, под Штутгартом. В двадцати километрах от его дома. На объект его привез шеф фирмы. Он очень коротко рассказал о тех, с кем Чубчикову предстояло рабо-

тать и что ему предстояло охранять. Затем дал ему практический инструктаж. Шальке пять лет назад сам здесь работал. Первым сотоварищем новенького по ночному бдению оказался Иван Геринг, переселенец из Новосибирской области.

Прошло полгода. Чубчиков основательно втянулся в работу, познакомился с сотрудниками. Интернациональный коллектив состоял из семи человек. Среди них было: два «руссака», два переселенца из Румынии и двое немцев из бывшей социалистической Германии. Шефом сторожевой службы на объекте был господин Мюллер, коренной немец. Федор Чубчиков с первого же часа искал контакт с Иваном Герингом, что было вполне закономерно. Оба приехали из Сибири, оба говорили по-русски. Чем больше он завязывал разговор со своим земляком, тем больше его не понимал...

Ванька Геринг еще в детстве хотел быть «русским». Он знал, что только из-за немецкой национальности его родителей сослали из Поволжья в Сибирь. Доставалось ему и в школе. Кое-кто называл его «фашистом» или «фрицем». Он все терпел, иногда плакал, но сдачи не давал. Боялся — побьют. По мере взросления свою манеру поведения он несколько видоизменил. Никому на рожон специально не лез. К сильным — приспособливался, маленьких и слабых — обижал. Вскоре его заметили, избрали комсоргом класса, занесли на школьную доску почета. Рекомендовали в педагогический институт. Профессия учителя ему не нравилась, но другого выхода не было. Пасти коров или сидеть целый день за рычагами трактора он не хотел. Все экзамены он сдал на тройки, поступил. Помогла комсомольская характеристика. Мало того. В этом году был большой недобор историков. Выпускники хотели лететь в космос, строить мощные электростанции и предприятия. Молодой немец, одержимый тщеславием, тоже хотел быть впереди планеты всей, но другим путем. Учился он посредственно. История, как и его родной немецкий язык не котировались.

Усердие проявлял он исключительно только в общественной работе, где, как ему представлялось, можно было куда быстрее выбиться в люди. И он не ошибся. Через год его избрали секретарем комсомольской организации факультета. Еще через год приняли в ряды КПСС. Еще через год избрали членом партийного комитета института. О нем писали в местных газетах, говорили по радио. Иван Александрович Геринг стал знаменитостью. Ректор здоровался с ним за руку, не говоря уже о деканах факультетов. Студентам Геринг руки не подавал, не замечал, не до этого было. Он весь был погружен в себя, в мир личных интересов и потребностей. После института Иван попросился в родные места. Его просьбу удовлетворили.

Молодому педагогу в школе районного центра Березово предложили вести два предмета — историю и немецкий. Он охотно согласился. Через неделю он пошел в райком партии. Пошел — себя показать, и кое-что узнать из бурной деятельности народной партии. К первому секретарю идти не рискнул, побоялся. Начал с низов, зашел в отдел пропаганды и агитации. Встретила его относительно молодая женщина, пригласила присесть. Геринг как на духу рассказал ей о своей бурной деятельности в институте. Затем выложил на стол целую пачку всевозможных грамот и значков. Татьяна Сергеевна Мишина, так звали заведующую отделом, от радости расцвела. Райкому партии теперь есть на кого опираться в средней школе, где еще не все правильно понимали политику партии. Особенно ее директор...

В том, визит в особняк местной власти был очень успешным, Геринг не сомневался. В своих выводах он не ошибся. Через полгода ему предложили возглавить школу. Он без всяких обиняков согласился. Бывшего директора Афанасьева, участника Великой Отечественной войны уволили с формулировкой «за неправильные методы школьной молодежи». Был у безрукого один очень веский негатив. В порыве гнева он срывался и страшно матерился. Все эти годы «недостаток» проходил, сейчас же вышла осечка. В том, что его «сдал» в райком партии новенький, он не сомневался.

Иван Геринг сразу же очень рьяно взял бразды правления в свои руки. Первое, что он сделал — отремонтировал свой кабинет. Довольно просторная комната походила на склад,

где хранились старые классные журналы и учебные пособия. Он лично сам все побелил и покрасил, не хотел себя компроментировать чей-либо помощью. Женский коллектив наставниц сразу же притих. На следующий день и они навели порядок в своей учительской. Через неделю состоялось заседание педагогического совета школы, оно впервые проходило под руководством нового директора. Он подверг резкой критике работу не только своего предшественника, но и снял стружку с тех, кто ему усердно служил. Пожилой учительнице ботаники стало плохо. Она упала в обморок, еле-еле откачали. Учителя и многие школьники знали, что она была любовницей безрукого. Первое заседание под руководством Геринга по продолжительности побило все рекорды. Раньше, как правило, все вопросы решались в течение часа, не больше. Этот же «марафон» длился уже три часа и все не было конца. Кое-кто из представительниц слабого пола сжимал ноги или ерзался на стуле. Но, увы ... Было не до туалета. Программа действий учителей и их подопечных на пятилетнюю перспективу, которую оглашал директор, была куда важнее, чем естественные потребности человека.

Молва об инициативном директоре-немце все больше и больше распространялась по небольшому городу Березово и за его пределами. На базе школы стали проводиться показательные занятия. Приезжали сюда и студенты института, где совсем недавно учился новатор педагогического «производства».

Рвение нового директора местные власти заметили и бескорыстно его отблагодарили. Одинокому мужчине в новом трехэтажном доме выделили двухкомнатную квартиру. Лично сам первый секретарь райкома партии на служебной машине подвез новатора к дому, открыл квартиру и вручил ему ключи. Новосел обнял седовласого мужчину и тихо произнес:

— Анатолий Иванович, Толя... Я знаю, что без тебя мне бы целый век куковать в общезжитии... — Затем сквозь слезы добавил. — Спасибо друг, все отдам, себя отдам, чтобы оправдать доверие нашей любимой партии... Твое доверие, Анатолий...

Новоселье Иван Александрович Геринг справил в очень узком кругу. Справил через месяц, когда купил новую мебель и газовую плиту. Среди приглашенных были нужные ему люди: два ответственных работника горкома партии, один ответственный работник из горсовета и учительница Калугина. Все эти люди его поддерживали, даже благоволили. Он «пропускал» их по одиночке и правильно делал. Сообща никакого доверительного разговора не получится, невозможно даже анекдот рассказать. Каждый боялся друг друга.

Наиболее запоминающей для новосела была встреча с Зоей Калугиной, математиком. Она приехала в Сибирь из-за своей старенькой бабушки, которая в одиночестве доживала свою жизнь. Молодая женщина, едва вошла в квартиру своего начальника, невольно улыбнулась. На праздничном столе было настоящее съестное изобилие. Подкупало ее и радушие, исходившее от хозяина. Она уже давно хотела поговорить по душам с серьезным мужчиной, он был на три года ее старше. Молодость не помешала ему стать чуть ли не общесоюзной знаменитостью.

В его популярности была и ее доля. Неделью назад она по собственной инициативе на заседании педагогического совета школы прочитала большую статью о новаторском подходе по воспитанию детей коммуниста Геринга. Никто из коллег не знал, что под вымышленным именем Александра была ее фамилия. Написать заметку о директоре ее попросил редактор районной газеты «Молодой сибиряк». С ним она совершенно случайно познакомилась во время слета молодых педагогов.

Герингу очень долго приходилось уговаривать свою гостью, чтобы она пригубила очередную рюмочку вина за его новую квартиру. Калугина отнекивалась, боялась спиться. Боялась и оконфузиться перед своим начальником. В конце концов она сдалась. Хозяин ликовал, его гостя хорошо кушала и хорошо пила. Следовала его рекомендациям. Перед тем, как выпить, мужчина осенял себя крестным знаменем и с серьезным выражением лица произносил:

— Боже, дай мне силы, чтобы она была не последняя... — Затем ставил хрустальный сосуд на свою ладонь и уже нараспев мурлыкал себе под нос. — Кто хоро-шо-о ку-ша-ет и пьет, тот здоровеньким живе-е-ет...

Народная присказка молодой особе очень нравилась. После выпитой жидкости она мигом забрасывала в своей ротик несколько пластиков колбасы и нараспев нежным голосом вторила:

— Кто много пьет и много ест, тот здо-ро-вень-ким умрет... — Затем делала очаровательную улыбку и подставляла свою рюмку...

Время неумолимо двигалось вперед. В квартире своего шефа Зоя была уже почти три часа. Ее все больше и больше клонило ко сну. Она решила немного освежиться, пошла в ванную комнату. Включила кран с холодной водой и умыла свое лицо. Немного полегчало. Выпорхнула из комнаты и предложила мужчине потанцевать. Он согласился. Включив проигрыватель, стоявший на столе, он прижал к себе женщину и очень уверенно ее закружил. Геринг был настоящим королем вальса. Этому «ремеслу» его научила сама жизнь, огромное желание сделать себе карьеру. Он был одним из самых активных участников художественной самодеятельности. Его часто приглашали на банкеты, без пляски и танцев там не обходилось.

Опытный танцор, взглядываясь в голубые глаза партнерши, все больше и больше убеждался, что она сильно устала. Устал и он. Сделав несколько движений, он слегка улыбнулся, и взяв девушку за руку, повел ее в спальню. Затем осторожно положил ее на кровать. Калугина уже почти спала. Геринг, как бы невзначай, руками прикоснулся к ее стройным нижним конечностям и очень осторожно развел их в стороны. Узкая юбочка несколько потянулась вверх по крутым бедрам девушки. Он слегка опешил, когда увидел ее белые плавки...

Калугина, одурманенная вином, все еще не понимала, что с нею происходило. Лишь после того, как ей сильно чем-то мягким и нежным перекрыли дыхание, она невольно встрепенулась и открыла глаза. Потом вновь их закрыла. Ей почему-то сейчас, не то во сне, не то наяву, было приятно, даже очень. Ее тело то поднималось вверх, то опускалось на что-то мягкое и нежное. Она от ранее неведомой страсти с силой прижимала к своим грудям большое и сильное чудовище, которое дергалось и тяжело дышало. Она вновь и вновь его прижимала. При этом неестественно ойкала и кричала. Кричала уже не от боли, а от удовольствия...

Проснулась она рано утром. Первые лучи солнца едва только проникали через завесу утреннего тумана. Проснулась и тяжело вздохнула, ее голова страшно болела. Болела так нестерпимо, что она вновь закрыла глаза. Сквозь полусонное состояние она неожиданно услышала чей-то громкий храп, он раздавался в непосредственной близости от нее. Она открыла глаза, повернула голову и от страха громко вскрикнула. Рядом с нею лежал полуголый мужчина. Он лежал к ней спиной, она видела лишь тыльную часть его головы. Зоя приподнялась, продвинула свое тело вперед и вытянула голову. Внимательно взгляделась и опять громко ойкнула. Рядом спал Иван Александрович, ее директор. Он спал так крепко, что не чувствовал, как с него сползло одеяло. Оно лежало на полу.

Калугина стремительно вскочила и ринулась в туалет. Засунув два пальца в рот, стала рыгать. Таким способом очищались от неугодных примесей в желудке ее родители, они частенько гуляли со своими соседями. Сейчас к этому прибегла и их дочь. Затем она включила кран с холодной водой и подставила под него голову. Немного полегчало. Вошла в спальню, присела на диван. Хозяин спал без задних ног, лишь иногда царапал своими руками то ноги, то руки или свое интимное место. Нагой женщине было не до зрелищ. Она все еще не понимала, почему она оказалась в постели со своим директором. Она покинула диван и стала ходить по комнате взад и вперед, словно по небольшой тюремной камере. Она часто видела в кино революционеров, они с умным видом «прохаживали» многие годы, чтобы прийти к той или иной мудрой мысли. В ее же голове подобного ничего не было. Вскоре ходить ей надоело, ее организм требовал покоя. Она осторожно подошла к постели, приподняла одеяло и тихо вскрикнула. Белая простыня, на которой она только что спала, в некоторых местах была в крови.

Мысль о том, что ее изнасиловали, в сей миг пронзила мозг молодой шатенки. Она присела на корточки и уставилась на полуголою мужчину. Она все еще не понимала, что могло быть общего между ним и ею. Через некоторое время она рванулась в ванную комнату и быстро открыла кран с горячей водой. Залезла в эмалированный сосуд. Затем пригоршнями стала набирать горячую воду и мыть влагалище. Чем больше она это делала, тем радостнее было у нее на душе. Ей казалось, что мощные потоки воды, находившиеся в ее ладонях, избавят ее не только от беременности, но и от человеческого позора. Из ее глаз текли слезы...

В дверь постучали. Зоя этот стук не слышала из-за шума воды, стремительно вытекающей из крана. Лишь после того, как дверь открылась, она повернулась и увидела перед собою хозяина квартиры. Он был нагой. Геринг, внимательно наблюдавшей за полуобнаженной женщиной, слегка хмыкнул себе в кулак и с улыбкой ее спросил:

— Зоенька, как тебе в моей постели спалось? Небось всю ночь ворочалась... — Затем с хитринкой в глазах прошептал. — Перинушка ведь неродная...

Калугина, сидевшая по самый пояс в горячей воде, сначала ничего не ответила. Слезы ее душили, неожиданно появились спазмы в горле. Лишь после того, как мужчина попытался ее обнять, она резко встала из воды и сквозь зубы процедила:

— Иван Александрович... Как Вам не стыдно еще о чем-то спрашивать... Как не стыдно...

Больше она ничего не могла произнести. Она вновь опустила в воду и в сей миг оказалась во власти слез. Ее хрупкие плечики то и дело вздрагивали, словно кто-то по ее спине царапал чем-то острым. Плач женщины у мужчины особой тревоги не вызывал. Он стоял посреди небольшой комнаты и с явным недоумением созерцал происходившее. Вскоре Калугина успокоилась, и увидев самодовольное лицо своего шефа, быстро выскочила из ванной. Ринулась в спальную комнату. Плюхнулась в постель и закрылась с ног до головы одеялом. Она плакала навзрыд. Новосел в это время сидел на унитазе и с большим старанием очищал свой кишечник. Затем он почистил зубы, побрился и направился в спальню. Слезы красивой девушки, как и прежде, не беспокоили его нервную систему. В том, что эта молодуха придет к нему в постель, придет и не раз, он не сомневался.

Причин для серьезного беспокойства сейчас он не видел. Он слегка сдернул одеяло, которым была закрыта голова девушки, и очень серьезно произнес:

— Зоенька, Зоя Ивановна! Я очень Вас прошу не беспокоиться за прошедшую ночь... Наша любовь останется без каких-либо последствий...

Затем он приподнял подушку, на которой только что спал, и вытащил оттуда использованные презервативы. Математичке оптимистический голос шефа понравился, она высушила голову и с интересом стала за ним наблюдать. Увидев его спокойное выражение лица, она неожиданно для себя улыбнулась. Улыбнулась и тут же почувствовала, что его спокойствие все больше и больше наполняло ее душу, хотя очень медленно. Страх за свое будущее, особенно за появление ребенка, все больше и больше отступал на задний план. Мужчина с улыбкой протянул ей свою руку и раскрыл ладонь, на которой лежали два презерватива. Оба они были в какой-то не то прозрачной, не то темно-белой жидкости или слизи. Заметив удивленные глаза своей любовницы, Геринг с присущим ему спокойствием произнес:

— Зоенька, ради Бога, поверь мне молодому старику... Эти резинки уберегут нас не только от детишек, которых, ни ты, ни я, не хотим... Они уберегут нас даже от всякого черта лешего...

Лучики внезапно нахлынувшей радости на лице женщины, добавили ему оптимизма. Он слегка чмокнул ее в губы и еле слышно прошептал:

— Я на всякий случай на своего Иванушку пару резинок натянул...

Необычное сравнение мужского пениса рассмешило Калугину. Она улыбнулась и вновь накинула одеяло на свою голову. Мимолетная сообразительность гостыи в одночасье подняла жизненный тонус новосела. Он почти в приказном порядке произнес:

— Зоенька, все печали выбрось... Беги в ванную комнату, приведи себя в порядок и садись за стол...

За время отсутствия любовницы Иван Александрович с большим прилежанием накрывал стол, он был намного беднее, чем вчера. Однако это его абсолютно не беспокоило. Его душа и сердце радовались, что в его сеть попала очень молодая девушка, притом очень красивая и главное, безобидная. И это были еще не все ее достоинства. Она, к его удивлению, была еще и девственницей. Геринг очень тщательно изучал документы новых педагогов. С замужними женщинами он не связывался. Не связывался и с очень опытными, у них, наверняка, были любовники или покровители. У Калугиной же никого не было.

В этом он убедился вчера поздно вечером, когда она со слезами на глазах рассказывала ему о своей родословной. Она была практически нищей и без каких-либо связей. В том, что эта она далеко неглупая, он убедился, как только ей показал «резинки». Она сразу же сообразила, что к чему. Сегодня у них было почти также как вчера, но лишь с некоторыми изменениями. На этот раз Калугина сама надела презерватив на довольно большой член своего шефа. «Иванушка» ей очень нравился, она пару раз его слегка чмокнула. После окончания полового акта она придвинулась к своему первому в ее жизни любовнику и тихо промолвила:

— Иван Александрович... Вы, пожалуйста, не забывайте мои просьбы, о которых я вчера Вам говорила... Пожалуйста, мой Иванушка, не забудь об этом...

Ласковое щебетание красивой девушки мужчине понравилось, и он, повернувшись к ней лицом, также ласково проворковал:

— Зоенька, не переживай... Я все сделаю для тебя... Дай только время, моя голубка...

Голубка уже почему-то не сомневалась в возможностях своего голубя. Она несколько приподнялась и стала обеими руками ласкать его опавший член.

Калугина получила однокомнатную квартиру через год, в том же доме, где жил ее покровитель и любовник. Вскоре ее назначили заместителем директора школы по учебной работе.

Прошло десять лет. За это время в Советском Союзе произошли поистине кардинальные изменения. За эпохой вымирающих Генсеков последовала перестройка, позволившая российским немцам возвратиться на историческую родину своих предков. Иван Александрович Зотов очень долго держал совет с Дарьей. В отличие от своей жены, которая руками и ногами хотела попасть в сытый край, он туда не рвался. Он страшно боялся своего прошлого, точнее, своей трудовой книжки и множества почетных грамот. Он совсем недавно с большим удовольствием лично сам вписывал их в небольшую книжечку. Биография директора-новатора, члена КПСС, члена бюро районного комитета КПСС, народного депутата СССР имела существенное отличие от сотен миллионов простых смертных, которые все еще верили в коммунистическое завтра. Коммунист Зотов, он же в недавнем прошлом Геринг, в светлое будущее никогда не верил, считал это бредом сивой кобылы. Все эти годы он имел только одно кредо — жить для себя и только для себя. Подобных ему, были десятки тысяч, миллионы, притом разных национальностей.

Они врали и обманывали. Им также врали, их также обманывали, кто сидел их повыше. Благодаря партийному билету, они получали кусок мяса пожирнее и всего побольше, что отпускал простым смертным партийный князь или царь. Успел урвать лакомый кусочек и Иван Зотов. В качестве туриста он побывал во всех странах социализма, в том числе и в ГДР. Брак с Дарьей Зотовой он зарегистрировал незадолго до падения Берлинской стены. Вскоре немец понял, что совершил ошибку. Исправлять уже было поздно, да и неудобно. Дарья по-настоящему его любила. Как совсем недавно любила его и красавица Зоя Калугина, с которой он расстался опять же по рекомендации местной верхушки. Его, как директора школы и как члена

бюро районного комитета партии стали рекомендовать кандидатом в депутаты. Жители, они же члены домового комитета, пришли в райком с петицией, в которой было все подробно изложено о разгульном образе жизни коммуниста Геринга. Иван сразу же уступил. Его любовницу через неделю перевели в другой район, с предоставлением жилой площади...

На исторической родине предков Иван Александрович Геринг оказался за два дня до своего пятидесятипятилетнего юбилея. Юбилей праздновали в очень узком кругу, он и его жена Дарья. Она, как никто иной знала, что значил для ее мужа переезд на историческую родину. Очередное изменение фамилии и очищение от «коммунистического прошлого» почти начисто опустошило их кошелек. Деньги деньгами, а сколько потратили нервов?! Одному лишь Богу известно...

Диплом российского немца Иоганна Геринга об окончании педагогического института признали с большой натяжкой. Небольшую книжечку с твердой обложкой синего цвета господин Вайс рассматривал довольно долго, порою морщился. Морщился по двум причинам. Во-первых, он никогда не верил социалистическим порядкам, при которых все только общее и ничего личного. Не хотел он признавать «русские» дипломы еще и потому, что, не приведи Господь, этот далеко немолодой мужчина, только что выползший из сетей тоталитарного режима, через пару месяцев окажется в подобном заведении и лишит его рабочего места. Безграмотными аусзидлерами, что на практике означало нечто подобное быдлу, куда лучше управлять. Розовощекий мужчина с небольшим животом сделал театральную позу занятого человека и направился в небольшую комнату, сделать копию документа. Он не сомневался, что бывший учитель с маломальским знанием немецкого языка вряд ли найдет себе работу по специальности, в лучшем случае станет дворником или сторожем. Система, послушным винтиком которой был сам господин Вайс и сотни тысяч ему подобных, на десятки лет вперед все уже давно предусмотрела. До сих пор она работала без сбоев. Он с равнодушием бросил взгляд на жизнерадостного владельца диплома и на его жену, которая преданно смотрела ему в глаза, словно на воскресшего Христа, и еле слышно произнес по-немецки:

— Алес гуте, гут... Алес гуте...

Чиновник явно недооценил возможности учителя истории и немецкого языка Иоганна Геринга. Через два дня его пригласили в ратхаус и попросили поработать с переселенцами, ими были полностью забиты два больших общежития. Госпожа Закс в своем выборе не ошиблась. Лишь единицы из приехавших имели высшее образование. Геринг имел не только немецкую фамилию, но и сносно говорил по-немецки. Устраивало это и бывших жителей некогда могучей страны. Они то и дело обращались к новоиспеченному советнику. Он переводил им всевозможные бумаги, то куда-то звонил или водил их по учреждениям. Вскоре для Ивана Геринга все стало так, как раньше — при Советской власти.

Через месяц он получил социальную квартиру. Не обошлось без помощи госпожи Закс. Еще через пару недель пришла очередная радость. На его konto перевели заработную плату. Она превышала его некогда директорский оклад почти в двадцать раз. На радостях супруги пошли в китайский ресторан. Они заприметили его в первый же день своего приезда, когда гуляли по городу. Домой семейная чета возвращалась навеселе. Заснули они довольно поздно, обсуждали преимущества китайской кухни перед русской...

Усердие немца из Сибири районные власти заметили. Ему дали очередную нагрузку. Он вел уроки немецкого и русского языка среди детей переселенцев дошкольного возраста и младших классов. Шло время. Жажда денег погубила некогда скромного и усердного советника, который работал по принципу: больше детей — больше зарплата. Однажды он дописал в отчетную ведомость пару детишек. Прошло. На следующий месяц дописал уже десять. И опять прошло. На третий раз — его уволили. Первыми забили тревогу родители, они хотели платить деньги только за живые души.

В охрану Иван Геринг попал не без помощи госпожи Закс, несмотря даже на то, что он прогорел с малышами. Немка часто видела телевизионные передачи о Советском Союзе, о России. В этой стране ей нравилась только природа. Обитатели, живущие на необъятных просторах, больших симпатий у нее не вызывали. Их показывали почти в одних и тех же ракурсах. Они поголовно пили и почти все, в лучшем случае, через одного были без зубов или грязные. Одним словом, неполноценные. Господин Геринг Магде в немалой степени даже импонировал. Он был культурный и очень обходительный. Во время визитов он всегда приносил ей коробку конфет или букет цветов. Из мужчин ее отдела мало кто уделял такое пристальное внимание своей начальнице. Никто из них так много не рассказывал ей о своей личной жизни, как этот русский. Простота и человечность переселенца подкупили ее и тогда, когда он пришел к ней за помощью...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.